

Министерство образования и науки Российской Федерации
государственное образовательное учреждение высшего образования
«Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева»

Институт (Факультет) исторический факультет

Кафедра отечественной истории

Быстраков Дмитрий Александрович

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Тема Политика самодержавия в отношении коренных народов Сибири в XIX – начале XX вв.

Направление 44.04.01 Педагогическое образование
(код и наименование направления)

Магистерская программа Историческое образование в системе современных гуманитарных наук
_____ (наименование программы)

Допущен к защите
Заведующий кафедрой
к.и.н., доцент Ценюга И. Н.
(ученая степень, ученое звание, фамилия инициалы)

(дата, подпись)

Руководитель магистерской программы
д.и.н., профессор Федорова В. И.
(ученая степень, ученое звание, фамилия,

инициалы)

(дата, подпись)

Научный руководитель
д.и.н., профессор Федорова В. И.
(ученая степень, ученое звание, фамилия,

инициалы)

(дата, подпись)

Студент Быстраков Д. А.
(фамилия,

инициалы)

Красноярск 2017

Содержание

Введение.

Глава 1. Коренные народы в системе управления Сибири XIX - начале XX вв.

- 1.1. Административное устройство сибирских аборигенов
- 1.2. Землеустройство и землевладение коренного населения
- 1.3. Фискальная политика

Глава 2. Социо-культурная политика власти и коренные народы Сибири

- 2.1. Социально-демографические процессы среди коренного населения
- 2.2. Культурно-религиозная политика.

Заключение.

Введение

Актуальность

Национальная политика в любом государстве, тем более многонациональном и много_конфессиональном, является ключевой, поскольку напрямую влияет на его устойчивость и возможность поступательного развития. Российская империя исторически складывалась как многонациональное государство. За многовековой путь развития был накоплен уникальный исторический опыт управления разными народами, стоявшими на разных ступенях исторического развития. Вполне уместно говорить о так называемом цивилизационном феномене России, важнейшей чертой которого является дух равноправия всех народов, их равноценности, способности вырабатывать и утверждать свой самобытный путь развития. Философ И.А. Ильин данную тенденцию применительно к сфере межнациональных

отношений в России отметил следующим образом: «Сколько молодых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла». Показателен тот факт, что в истории России конфликты на межэтнической и религиозной основе занимают ничтожно малое место. Интернациональный характер российской этики, исключительная веротерпимость, а самое главное — ее бескорыстие, приоритет в служении ближнему, создали реальную основу для сближения и единства народов, проживающих на геополитическом пространстве Евразии.

Особенно ярко специфика национального государственного строительства проявилась в истории Сибири. Русские в процессе освоения этого края не только сохранили многочисленные коренные племена и народы, но и интегрировали их в русское культурно-историческое пространство. Это резко контрастировало с историей освоения Северной Америки, с которой часто сравнивали Сибирь. В результате американской колонизации численность коренного населения здесь сократилась в 50 раз, а оставшееся население было подвергнуто культурной и политической сегрегации. Изучение опыта национальной политики в царской России по отношению к коренному сибирскому населению, его достижений и неудач может помочь в осуществлении национальной политики на современном этапе. Именно в обобщении исторического опыта заключается актуальность данной работы.

Объектом диссертации является политика правительства Российской империи в отношении коренных народов Сибири в XIX – начале XX вв.

Предмет исследования – эволюция системы управления сибирскими аборигенами, землеустроительной, фискальной и социокультурной политики власти по отношению к ним.

Цель работы – определить основные направления политики российских властей в отношении аборигенов Сибири в XIX – начале XX вв.

Задачи

Поставленные в работе, заключаются в следующем:

- выявить основные этапы в развитии системы административного управления коренными народами Сибири;
- выяснить особенности землеустройства сибирских аборигенов;
- охарактеризовать характер фискальной политики;
- рассмотреть социальную политику и ее влияние на демографические процессы и социальную динамику инородческого населения;
- изучить культурно_религиозную деятельность власти и русской православной церкви, направленную на интеграцию сибирских аборигенов в российское культурное пространство.

Методология. В рамках работы использовались историко-описательный (нарративный) и историко_сравнительный методы исследования.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1822 г., когда был принят Устав об управлении инородцами М.М. Сперанского, системно регламентировавший управление коренными жителями, до 1917 г., когда в связи с падением монархии и изменением политического и социального строя прежние нормы были упразднены, были образованы новые административные образования и т. д.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1822 г., когда был принят Устав об управлении инородцами М. Сперанского, системно регламентировавший управление коренными жителями, до 1917 г., когда в связи с падением монархии и изменением политического и социального строя прежние нормы были упразднены, были образованы новые административные образования и т. д.

Территориальные рамки охватывают Западную и Восточную Сибирь и Дальний Восток в границах Российской империи XIX в.: Тобольскую, Томскую, Енисейскую губернии, Якутскую, Забайкальскую области, Приамурский край. В частях работы, где речь идет о сойотах (тувинцах), рассмотрена территория Урянхайского края, который вошел в состав СССР только после Великой Отечественной войны под названием Тувинской АССР.

Историография вопроса. Вопрос управления аборигенами Сибири нашел отражение в литературе дореволюционного, советского и российского периодов. Среди дореволюционных исследователей к изучению вопроса обращался С. Прутченко, который в «Сибирских окраинах» анализирует законодательные акты, в том числе и относящиеся к аборигенной политике правительства. Енисейский губернатор А. Степанов в труде «Енисейская губерния» приводит важные, с моей точки зрения, сведения о численности коренных жителей севера и юга губернии, особенностях их хозяйственного уклада и взаимоотношений друг с другом. Большая часть литературы до 1917 г., которая была использована в работе, принадлежит историкам областнического направления, например, «Сибирь как колония» Н. М. Ядринцева, «Рабство в Сибири» С. С. Шашкова (очерк вошел в «Исторические этюды») или «Кызыльцы и их хозяйство» А. Ярилова. Для областников было характерно негативное освещение политики российских властей, в присоединении Сибири к России они видели отрицательное явление, последствия для «инородцев сибирских» тоже, по их мнению, были отрицательными: массовое вымирание, болезни, пьянство и деградация. Не лишена подобной оценки и статья А. Семенова «Религиозный перелом на Алтае». В ней даны сведения о религиозной ситуации в регионе накануне зарождения бурханизма – культурно-религиозного феномена начала

XX в., рассказано о жизненном пути Чета Челпана – идейного вдохновителя данного течения, показан политический резонанс явления – в местах нового культа случались столкновения с российскими военными.

Именно поэтому для получения более полной и объективной информации необходимо использовать работы советских ученых. В книгах С. В. Бахрушина, Б. О. Долгих, Н. А. Миненко, В. И. Дулова, Л. М. Дамешека, М. М. Федорова более взвешенно показаны различные аспекты политики российских властей в отношении малых и крупных народов сибирского региона на протяжении пребывания его в составе Российской империи. Следует выделить правовой, демографический, экономический, этнокультурный аспекты. Например, в работе Л. М. Дамешека «Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.)» (1986 г.) дана подробная информация о нормативных актах, предшествовавших принятию Устава 1822 г., разработке самого «Устава об управлении инородцев», попытках кодифицировать обычное право коренных народов во второй четверти XIX в., об усилении централизаторских тенденций в политике. Рассмотрена и политика христианизации. Большое внимание уделено планам чиновников и процессу принятия законов. Материал подается преимущественно на примере народов Восточной Сибири (бурят, эвенков и пр.). В статье того же ученого «Аграрная политика правительства и народы Сибири на рубеже XIX – XX вв.» показаны этапы проведения землеустройства; оговорено, что в основе его лежали ассимиляторские и фискальные интересы правительства. Автор приводит цифры, показывающие незавершенность землеустройства к 1917 г. Недостаток информации подобного рода по аборигенам Западной Сибири восполняет работа Н. А. Миненко «Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.». Нина

Адамовна раскрывает несколько аспектов политики (административный, просветительский, религиозный) применительно к народам упомянутого региона. М. М. Федоров в книге «Правовое положение народов Восточной Сибири» рассмотрел законодательные основы различных сторон жизни аборигенов (власть старейшин, взаимоотношения аборигенов с русскими властями, крещение и обычное право ясачных) в период XVII – начало XIX вв. Именно эта информация привлекалась и использовалась в работе.

Тема «инородческой» политики разрабатывается в историографии нашей страны и после 1991 г. Особо ценными представляются статьи и монографии по отдельным сторонам жизни аборигенов Сибири.

Среди них монография Л. М. Дамешека «Ясак в Сибири в XVIII – начале XX вв.» (2014), ряд работ С. Г. Скобелева по демографическому развитию аборигенов («Демографические процессы у коренного населения Средней Сибири в XVII – XIX вв.», «Ассимиляционные процессы в Сибири и их влияние на динамику численности коренного населения в XVII – XIX вв.», «Демография коренных народов Сибири в XVII – XX вв.: колебания численности и их причины» и др.). Для рассмотрения невольничества была полезна работа И. А. Мальцева «Легальное рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVII – первой половине XIX в.». Особенности политики христианизации и ее результатов можно понять, обратившись к работе Д. Ю. Хоменко «Задачи христианизации коренного населения Енисейской губернии во второй пол. XIX – нач. XX вв.»

Также были рассмотрены фрагменты сборных трудов «История Сибири» (т.2, т.3), «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма», работы по истории отдельных регионов и народов Сибири. К ним относятся «История Якутской АССР» (т.2), «История Чукотки», «История Дальнего Востока».

Источниковая база

В качестве опубликованных источников привлекались части «Полного собрания законов Российской империи» (ПСЗ) – Собрание I, том 38, закон № 29126 («Устав об управлении инородцев»), Собрание II, том 2, закон № 1197 (Указ «Об освобождении сибирских оседлых инородцев от всех ясачных и других сборов...» от 21 июня 1827 г.) и др. В «Уставе...» 1822 г. регламентируются права и обязанности аборигенов в зависимости от разряда, вводится трехступенчатое управление (родовое управление - инородная управа - Степная дума), показана иерархия судов словесной расправы. Изучение материалов «Полного собрания» позволяет понять цели государства в управлении аборигенами (они определялись часто фискальными интересами), дает возможность увидеть эволюцию подхода властей к «инородческому вопросу». Также был использован «Стенографический отчет бюджетной комиссии Государственной думы за 1913 -1914 гг.». В нем приводятся показатели ясачного сбора с аборигенов Сибири накануне 1917 г. Третий источник - «История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – нач. XX в.». Из последнего сборника был использован документ № 129 под названием «Выписка из журнала Главного управления Западной Сибири, представленная в Сибирский комитет». «Выписка» гласит, что миссионер Макарий Глухарев ходатайствовал перед властями о выделении новокрещенному алтайцу Герасиму 50 рублей на поднятие хозяйства. Также священник передавал прошение самого Герасима оставить его в прежней дючине (единица управления алтайцев), а также освободить сына от уплаты ясака на три года после достижения совершеннолетия. Документ свидетельствует о мерах покровительства со стороны властей по отношению к крестившимся аборигенам.

Практическая значимость работы заключается в возможности изучения курса «Политика самодержавия по отношению к коренным народам Сибири в XIX – начале XX вв.» в рамках краеведческих дисциплин в программе школ или вузов.

Апробация

Результаты исследования были апробированы на конференциях:

- Мартьяновские краеведческие чтения (2015 г., г. Минусинск);
- XL студенческая международная научно-практическая конференция (2016 г., г. Новосибирск);
- Сибирский исторический форум (2016 г., г. Красноярск);
- VIII Краеведческие чтения «Россия – Сибирь – Красноярский край» (2016 г., г. Красноярск);
- 55-я Международная научная студенческая конференция (2017 г., г. Новосибирск);
- II Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития» в рамках XVIII Международного научно-практического форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века» (2017 г., г. Красноярск),

а также в публикациях:

1. Быстраков Д. А. Роль Минусинского музея в изучении коренного населения Минусинского округа // Мартьяновские краеведческие чтения (2014_2015 гг.). Вып. 9. Минусинск. Издательские решения, 2016. – 432 с. С. 20-22.
2. Быстраков Д. А., Федорова В. И. Демографические процессы среди коренных народов Сибири в XVIII – XIX вв. // «Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки»: Электронный сборник статей по материалам XL студенческой международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК». – 2016. - № 3 (39) / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: [http://www.sibac.info/archive/Social/3\(39\).pdf](http://www.sibac.info/archive/Social/3(39).pdf).
3. Быстраков Д. А. Проявления девиантности в поведении коренных народов Сибири в XVIII – XIX вв. // Экономическое

развитие Сибири. Материалы Сибирского исторического форума, 12-13 октября 2016 г. – Красноярск: Резонанс, 2016. – 304 с. С. 176-179.

4. Быстраков Д. А., Федорова В. И. Рабство как социальный феномен в жизни народов Сибири // Россия – Сибирь – Красноярский край: сборник материалов VIII Краеведческих чтений, Красноярск, 6 декабря, 2016 г. / М_во культуры Краснояр. края, Гос. универс. науч. б_ка Краснояр. края; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева; [науч. ред. В. И. Федорова; сост. В. И. Федорова]. – Красноярск: Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2017. – 252 с. С. 9-19.
5. Быстраков Д. А. Ясачная политика в Российской империи в XIX – начале XX вв. // Материалы 55-й Международной научной студенческой конференции МНСК_2017: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2017. 15554 с. С. 93-94.
6. Быстраков Д. А. Ясачная политика в Российской империи в XIX – начале XX вв. // Ежемесячный международный научный журнал «Austria.science». № 2 / 2017. 134 с. С. 16-20.

ГЛАВА 1. КОРЕННЫЕ НАРОДЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

1.4. Административное устройство сибирских аборигенов

Со времени присоединения Сибири к Российскому государству одной из важнейших задач правительства явилась организация местного управления в соответствии с нуждами и потребностями государства. Во взглядах на вновь присоединенные племена правительство руководствовалось в основном финансовыми соображениями, что и предопределило его подход к вопросам управления жителями края.

Организация местного управления строилась с учетом социально-экономического положения сибирских племен и невозможности их полного подчинения российскому законодательству.

В начале XIX в. сибирская администрация издала ряд частных актов по управлению народами региона. Один из них – «Положение о выборе иноверческих начальников и правах их» 1812 года. По существующему законоположению «иноверцы» должны были занимать «старшинские» должности по выбору. При этом допускалось и наследование должностей. В обоих случаях право окончательного утверждения в должности оставалось за губернской администрацией. Избрание в родоначальники рядовых улусников допускалось только в случае отсутствия возможных наследников. Положение предусматривало отстранение от должности за недобросовестное исполнение должностных обязанностей. В целом положение отражало интересы потомственной родовой знати, которая являлась опорой самодержавия и нередко угнетала соплеменников более низкого происхождения.

Огромных размеров злоупотребления чиновников и родовых старшин достигли в период пребывания в должности сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля (1806-1819). Беспорядки в управлении, сокращение поступления в казну денежных и натуральных налогов, жалобы на злоупотребления чиновников, волнения среди коренного населения – все это заставило правительство обратить внимание на Сибирь. В марте 1819 г. последовал именной рескрипт о назначении М.М. Сперанского сибирским генерал-губернатором.

Ревизия Сперанского вскрыла вопиющие картины злоупотреблений и произвола сибирской администрации и иноверческих

«начальников». В отчете в Сибирский комитет Сперанский указывал, что общим предметом следственных дел «было лихоимство во всех его видах»ⁱ.

Результаты ревизии Сперанского хорошо известны. В злоупотреблениях по расходу общественных сумм, в притеснении родовичей и в других преступлениях было выявлено 680 человек, в том числе 250 тайшей, зайсанов, лам и прочих должностных лицⁱⁱ.

Главную причину беспорядков и злоупотреблений Сперанский видел в системе управления. С целью реформирования системы управления Сибири был создан Сибирский комитет, одной из задач которого стала разработка нового Устава об инородцах. На заседании Комитета 3 ноября 1821 г. был составлен план работы и конкретизированы обязанности нового органа по управлению Сибирью. В марте 1822 г. Сибирский комитет рассмотрел проект «Устава об управлении инородцев». Устав дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводило самодержавие народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин империи.

Аборигены имели важное значение для экономики страны т.к. ясак составлял заметную статью кабинетских доходов. Это вынуждало

правительство с особой тщательностью подойти к реформе управления народами Сибири. Не случайно устав Сперанского регламентировал все стороны жизни коренного населения – экономическую, административную, судебно-правовую и культурно-бытовую.

Стремясь обосновать необходимость изменения и регламентации жизни народов края, члены Сибирского комитета указывали, что существующее законодательство об «инородцах» не включает многих аспектов их правового положения, отчего происходят значительные «неудобства». Последние, по мнению членов Комитета, сводились к следующему: по составу управления – отсутствие четких обязанностей родоначальников, отчего «все управление инородцев перешло большею частью в руки земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям»

iii

Отсутствие дифференцированного подхода к племенам с различным уровнем хозяйственного и общественного развития приводило к тому, что не учитывались изменения в хозяйстве народов края, которые происходили на протяжении XVIII и первой четверти XIX вв. Запрещение свободной торговли с аборигенами явилось поводом к установлению монополии чиновников и грабежу нерусского населения. По суду – обычное право аборигенов, на основе которого осуществлялось судопроизводство в родах, не было систематизировано и письменно оформлено, что порождало споры ясачных. Объективные потребности развития народов Сибири требовали устранения этих недостатков.

В основу проекта были положены следующие принципы: во-первых, разделение коренного населения на три разряда в соответствии с родом занятий и образом жизни (оседлые, кочевые, бродячие); во-вторых, ограничение опеки над аборигенами со стороны русской администрации и полиции (ее власть должна была состоять отныне только в осуществлении «общего надзора»); в-третьих, введение свободной торговли с аборигенами, что соответствовало объективным потребностям экономического развития народов Сибири; в-четвертых, количество налогов и податей предполагалось привести в соответствие экономическим потребностям каждого племени и впредь основываться на данных «общей ревизии, по временам производимой».

Для характеристики экономической политики самодержавного режима важны разделы Устава, посвященные хозяйственной жизни коренных народов. В главе «О разделении инородцев» дается обоснование необходимости деления коренного населения на три разряда. В этом делении проявилась попытка дифференцированного подхода авторов Устава

к различным группам сибирских народов по уровню их хозяйственного развития.

К разряду оседлых Устав относил народы, живущие в городах и селениях, основными занятиями которых было земледелие и скотоводство. Поразрядная система обусловила и гражданское состояние народов Сибири. Оседлые аборигены приравнивались к сословию государственных крестьян, сравниваясь с ними во всех «правах и обязанностях». «Они управляются на основе общих узаконений и учреждений», - говорилось в Уставе ^{iv}. Но вместе с тем оседлые жители освобождались от рекрутской повинности.

Уставом за оседлыми закреплялись те земли, которыми они владели «по древним правилам», по праву первоначального заселения. Узаконивая 15-десятичную пропорцию, Устав требовал наделения землей за счет близлежащих пустошей тех аборигенов, у которых земельные наделы были меньше указанной.

Разряд кочевых составляли коренные жители, «занимающие определенные места, по времени года переменяемые», т. е. ведущие полуседлый образ жизни ^v. Кочевые жители составляли «особенное сословие в равной степени с крестьянами, но отличное от оногo в образе управления». Иными словами, приравнивая кочевых к государственным крестьянам в налоговом обложении, составители Устава сохранили для них самостоятельность в управлении и суде. Вопросы владения землей разрешались у кочевых по аналогии с оседлыми жителями. В документе говорилось, что «кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли» ^{vi}. Правило «давности», то есть первоначального заселения применялось не только к оседлым, но и к кочевым народам. Формы и способы передела родовой земли определялись самими аборигенами.

Третью группу «инородцев» составили «бродячие», или «ловцы», переходящие с одного места на другое «по рекам и урочищам». В отношении прав бродячих аборигенов в Уставе было сказано, что на них распространяются нормы, установленные для кочевых групп. Допускалось лишь несколько исключений из этих правил, обусловленных образом жизни.

Органы администрации аборигенов строились с учетом родового принципа. Стремление сохранить род как основную единицу управления явилось одним из принципов правительственной политики в отношении народов.

Система и порядок управления «инородцами» определены во 2-ой и 3-й частях «Устава». В качестве органов Степного управления аборигенов были установлены: родовое управление, инородная управа и Степная дума. Родовые управления создавались во всех стойбищах, насчитывавших не менее 15 семейств. Они состояли из одного старосты и одного или двух его помощников из числа «почетных инородцев». Родовое управление подчинялось Инородной управе, которая состояла из головы, двух выборных и письмоводителя. Родовое управление «бродячих инородцев» имело в своем составе только одного старосту, обладавшего правами и обязанностями как родового управления, так и инородной управы.

Согласно § 114 Устава, «многие роды, соединенные в одну общую зависимость», учреждали Степную думу. Она состояла из главного родоначальника, заседателей, избираемых из числа «почетных инородцев», и письмоводителя. В ее состав также входили головы инородных управ. Старосты, головы, главные родоначальники назначались на должности по принципу наследования или выборности – в зависимости от обычаев, утвердившихся в том или ином племени.

К ведению родовых управлений относились сбор податей, организация исполнения повинностей, учет аборигенного населения и представление сведений об их численности для определения налогов. Родовые управления выполняли также полицейские функции «ближайшего надзора» за порядком и представляли об этом донесения, исполняли все предписания и распоряжения вышестоящих властей, в том числе и о телесных наказаниях за преступления, о задержании и доставлении начальству преступников, осуществляли функцию «суда словесной расправы» первой степени.

Иностранцы управы проводили раскладку ясака, других податей и повинностей, принудительный сбор податей с «иностранцев» и следили за своевременным внесением в казначейство всех собранных ценностей. Управы наделены были и чисто полицейскими функциями. Они сносились непосредственно с земской полицией и исполняли все ее предписания; представляли сведения и донесения обо всех случаях убийств, пожаров, эпидемий; организовывали розыск преступников и отвечали за порядок на подведомственной территории; исполняли постановления судебных и полицейских органов по гражданским и уголовным делам. Кроме того, управы осуществляли надзор над своими сородичами и их родовыми управлениями, следили, насколько точно и своевременно исполняются предписания вышестоящего начальства, законы, обычаи и обряды, а также выполняли функции суда «словесной расправы» второй степени.

В обязанности Степной думы входили раскладка ясака, других податей и повинностей; учет численности «иностранцев» и общественного имущества; возбуждение ходатайств перед вышестоящим начальством «о пользах родичей»; распространение хлебопашества и другие вопросы. Дума представляла собой общественное собрание «знатных и почетных

инородцев». Инородные управы подчинялись думе только по вопросам, отнесенным к ее компетенции.

Важное место в деятельности властей в отношении управления аборигенами во второй четверти XIX в. занимают попытки включения в официальное законодательство норм обычного права. Предполагалось введение «Свода Степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборника обычного права сибирских инородцев для Западной Сибири».

После введения Устава 1822 г. Администрация приступила к сбору сведений о законах и обычаях всех категорий коренного населения. В роли информаторов обычно выступали представители родовой знати. В Енисейской губернии это были старейшины – депутаты четырех главных инородческих родоначалей. В Иркутской губернии информаторами являлись главные тайши родовых управлений и их помощники. В Якутской области необходимые сведения предоставили князцы Мишалкин, Королев, Ракулов и другие. При обсуждении проекта законов выяснилось, что русские чиновники искажали пожелания и чаяния аборигенов. В итоге началось составление второго варианта сборника обычаев. Новый кодекс был оформлен к 1836 г. В июле 1837 г. 20 экземпляров проекта были направлены генерал-губернатору Восточной Сибири С. Броневскому для обсуждения в губернских и областных советах. Замечания участников обсуждений касались семейно-бытовой жизни аборигенов, а также вопроса о географии проектируемых преобразований. В 1838 г. Проект попал во второе отделение Канцелярии Его Императорского Величества к М.М. Сперанскому, который незадолго до своей смерти передал его бывшему управляющему делами Сибирского комитета Величко, который дополнил и исправил документ. В 1844 г. проект свода Степных законов во второй раз рассматривался в Государственном совете. Министр юстиции В. Панин выражал сомнения в точности материалов, положенных в основу свода. Начальник 2-го отделения

Е.И.В. канцелярии М. Балугьянский, наоборот, считал, что документ был составлен «весьма тщательно и с крайнею осторожностью».

Важно отметить, что к концу первой половины XIX в. народы Сибири сделали заметный шаг вперед в социально-экономическом и культурном развитии. Крепла тенденция сближения с русским народом. Род как административная и хозяйственная единица распадался. Обычное право уже не отражало действительного положения вещей. В этих условиях полное подчинение российской власти уже больше соответствовало духу времени. Поэтому Государственный совет решил через министра юстиции запросить мнение генерал-губернатора Восточной Сибири о целесообразности введения Степных законов. Ответ Н. Муравьева заключался в том, что законы Российской империи укореняются в аборигенной среде все тверже, а о своих старых общинных нормах «инородцы» имеют слабые представления. Губернатор заключал, что степные законы – искусственная консервация отмирающих отношений. Таким образом, уже прошедшие длительный период подготовки нормы общинного права так и не были введены.

Таким образом, царской властью было сделано несколько попыток упорядочить управление коренными народами восточной части страны, однако по ряду причин те законы не работали эффективно.

Вопрос о реформе управления сибирскими аборигенами в первые пореформенные десятилетия неоднократно обсуждался в правительственных кругах и среди местного чиновничества. Это было связано с предпринимаемыми самодержавием попытками распространить на Сибирь положения крестьянской реформы 1861 г. и полностью подчинить народы Сибири действию законодательства о крестьянах. В общих чертах сибирская программа царизма была сформулирована Вторым сибирским комитетом еще до Крымской войны, когда общее соотношение сил в стране

не внушало тревогу. Национальная программа царизма предусматривала подчинение оседлых аборигенов общим крестьянским учреждениям и установлениям. В отношении кочевых и бродячих коренных жителей предлагалось изыскать средства для привлечения их к оседлости и «ограждению от разных притеснений». Определение конкретных мер в этом направлении следовало предоставить местной администрации, которая в основу своих действий обязывалась положить принцип незыблемости «главных оснований Сибирского учреждения 1822 г.». Выражая пожелания мелочных улучшений быта аборигенов, правительство вместе с тем подчеркивало незыблемость прав Кабинета на ясачную ренту с народов Сибири. Составители программы признавали, что «ясачный сбор по многим его неудобствам требует особого соображения, но все предположения, какие имеются в виду по сему предмету, не согласны в главных между собой основаниях». Таким образом, национальная программа Второго сибирского комитета вопрос о судьбах народов Сибири решала с консервативно-охранительных позиций.

Выражая традиционные пожелания улучшения быта аборигенов и привлечения их к оседлости, правительство не предполагало возможности серьезных реформ. Однако вступление России на путь капитализма оказало сильнейшее влияние на развитие восточных окраин империи. Значительно усложнились задачи административных, полицейских и судебных учреждений, которые в новых условиях должны были «обеспечить проведение колонизаторской политики царизма и эксплуататорских классов, охрану их интересов, взыскание податей и выполнение повинностей, ведать каторгой и ссылкой, казенными заводами, производить закупки для казны.

В 1867 г. императорский Кабинет с горечью констатировал, что за последние 12 лет ясачные поступления натурой не увеличились. Тогда в

правительственных кругах возник проект о перечислении кочевых аборигенов в разряд оседлых и сравнении их по платежу податей с государственными крестьянами. Автором этого проекта был управляющий сбором ясака в Восточной Сибири. Подобная картина наблюдалась и в Западной Сибири. В апреле 1864 г. Комитет министров принял решение об упразднении Эскалбинской инородной волости и о присоединении 11 входящих в ее состав юрт оседлых инородцев к русским волостям Тобольского и Тюменского округов. На основании этого решения казенная палата приписала к Кугаевской волости 84 ревизских души оседлых жителей бывшей Эскалбинской волости. Указом Тобольской казенной палаты от 11 сентября 1865 г. к Саморской волости были причислены 72 жителя Темяческой инородной волости. В 1867 г. из Верхне-Демьянской инородной волости к русским поселянам Демьяновской волости было приписано свыше 100 душ аборигенов, юрты которых были разбросаны от волостного центра на расстоянии от 25 до 400 верст. По признанию тобольского губернатора, эта мера не принесла ожидаемых результатов. Тем не менее, в 1871 г. тобольский губернатор А. Сологубов вновь возбудил вопрос о причислении оседлых аборигенов губернии к русским волостям. На этот раз речь шла о причислении всех аборигенов без исключения. При этом предполагалось подчинить аборигенов «волостным и сельским начальникам из русских государственных крестьян». Необходимость подобной меры, по мнению губернатора, вызывалась тем обстоятельством, что русские крестьяне, будучи энергичнее коренных жителей, смогут принять более действенные меры к успешному сбору с аборигенов податных платежей и сумеют принести в сознание аборигенов убеждение о необходимости занятий сельским хозяйством, которым у них не было желания заниматься. Окружные исправники Тары, Тюмени и Ялуторовска признали не только пользу, но и необходимость этой меры, прежде всего для того, чтобы

аборигены были в состоянии уплатить больше податей. Кроме того, предполагаемые к введению мероприятия должны были, по замыслу чиновничества, способствовать успешному административному надзору, объявлению правительственных распоряжений, судебных приговоров, постановлению волостных сходов. Это было тем более важно, что родовые начальники не всегда могли объяснить собратьям значение русских законов из-за плохого знания или незнания русского языка. Таким образом, необходимость административных преобразований мотивировалась фискальными соображениями. Проблема соответствия уровня обложения и действительной платежеспособности аборигенов часто для властей была второстепенной.

Спустя два года аналогичный вопрос был поднят администрацией соседней Томской губернии. Но здесь власти не жаловались на низкую платежеспособность коренных жителей. Наоборот, губернатор подчеркивал прочность оседлости и материального благополучия нерусского населения. Он подчеркивал, что население практически полностью обрусело, многие приняли православие, в обычаях и одежде аборигены также редко отличались от местных русских. Однако инородцы имели ряд привилегий: их податные платежи были ниже таковых у русских крестьян, им не нужно было поставлять солдат в армию. По мнению русских властей, это представляло собой явную несправедливость. Но указанные факторы были не единственными. Коренным жителям трудно было содержать органы собственного управления из-за малочисленности аборигенов в инородных управах. В силу указанных причин необходимость причисления аборигенов к русским волостям еще более усиливалась.

На основании решения губернских советов генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков в 1876 г. обратился в Министерство внутренних дел и

Управление государственных имуществ с предложением, не дожидаясь итогов рассмотрения вопроса о поземельном устройстве крестьян и аборигенов Сибири, незамедлительно причислить к русским волостям оседлых аборигенов Тобольской и Томской губерний. При выборах должностных лиц волостного управления Казнаков предлагал уравнивать крестьян с аборигенами, оговорив при этом преимущество православных перед теми, кто продолжал исповедывать традиционные верования. Это противоречило правилам Устава 1822 г., но отдавало дань исторической традиции, предоставлявшей крещеным представителям коренного населения различные преференции.

Весной 1889 г. в Тобольской губернии были образованы особые окружные комиссии, которым поручалось всестороннее обследование коренного населения с целью решения вопроса о возможности и целесообразности присоединения оседлых аборигенов к русским волостям. Программа деятельности комиссий была обширной. Им надлежало выяснить такие вопросы, как количество и качество земли в распоряжении нерусских и русских крестьян, изучить быт и хозяйственную характеристику образа жизни первых и вторых и др. Итогом работы явилась специальная записка, содержащая мнения пяти окружных комиссий и заключение губернского совета. Лишь одна Туринская комиссия безоговорочно признала причисление аборигенов к русским волостям возможным и желательным. Остальные высказались гораздо более осторожно. Для Тюменской комиссии обоснование отрицательного ответа заключалось в вероисповедании (сибирские татары являются мусульманами), а также во «взаимном нерасположении русских и инородцев друг к другу». Окружная комиссия Тобольска также посчитала невозможным присоединение аборигенов к русским волостям, поскольку распространение общего положения о крестьянах на них было невозможно из-за «крайней неразвитости

инородцев»^{vii}. Ялуторовская комиссия, выступая против объединения русских и аборигенов в рамках одних административных органов, тем не менее высказалась в пользу организации самоуправления народов Сибири на основаниях Общего положения о крестьянах 19 февраля 1861 г. Распространение этих узаконений на коренных жителей, по мнению членов комиссии, должно было способствовать более обоснованной раскладке внутренних денежных сборов и развитию «поземельного дела» в хозяйстве. Тем не менее члены губернского совета ходатайствовали перед министром внутренних дел о разрешении причисления оседлых аборигенов к русским волостям и о распространении на них действия закона от 1 марта 1883 г., который вводил в Тобольской и Томской губерниях институт чиновников по крестьянским делам^{viii}.

К унификации управления «инородцами» призывали и высокопоставленные чиновники Восточной Сибири: генерал-губернатор П. А. Фредерикс и его преемник Д. Г. Анучин, иркутский губернатор К. Н. Шелашников, военный губернатор Забайкальской области, приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф. Однако большая часть их предложений осуществлена не была. К числу реализованных программ относится лишь реформа местного управления аборигенами Иркутской губернии, осуществленная в 1880-х годах. Согласно реформе, Степные думы у бурят губернии упразднились. Вместо них учреждались более мелкие, но зато, по признанию царских чиновников, более гибкие административные единицы – инородные управы, бывшие по Уставу 1822 г. промежуточным звеном между степными думами и родовыми.

В 90-е годы XIX в. правительство предпринимает еще одну попытку приведения к единому образцу управления и коренными жителями Сибири, и русскими хлебопашцами. Царские власти боялись волнений в деревне и

национально-освободительного движения в среде нерусских народов. К тому же увеличивался поток переселенцев и ссыльных в Сибирь. Государству нужно было поставить под жесткий контроль как крестьян, так и аборигенов. Причем позиции центральных и местных властей в вопросах о судьбах «инородческого» управления совпадали. Они признавали за благо распространение на аборигенов закона о земских начальниках 1889 г. Разработкой нового правового акта занялся министр внутренних дел И. Л. Горемыкин. Он высказался за значительное расширение функций земских начальников в отношении коренного населения Сибири в виде надзора за деятельностью родовых управлений и инородных управ и наделение их судебными функциями. Предложения Горемыкина легли в основу закона 8 июня 1898 г., получившего название «Временного положения о крестьянских начальниках». Новые чиновники получали широкие полномочия в области управления и финансов. Статья 35 закона гласила: «Крестьянским начальникам принадлежит: 1) исполнение лежащих на полиции обязанностей по общему наблюдению за инородческим управлением... и 2) разрешение в качестве третьей ступени словесной расправы судебных дел инородцев, подведомственных их родовым управлениям. Крестьянские чиновники сразу проявили себя не добросовестностью в исполнении обязанностей, а массовыми и вопиющими злоупотреблениями. По признанию вице-губернатора А. Тайницкого, одни чиновники совершенно не вникали в положение дел, другие же приобрели славу беззакониями и хищениями. По приблизительным подсчетам, за три-четыре года крестьянские начальники растратили около 300 тыс. рублей общественных средств^{ix}.

С целью пресечения злоупотреблений крестьянских начальников местная администрация производила частые ротации этих кадров внутри уездов и губерний. В. А. Степынин, рассмотревший этот вопрос на материалах ряда

уездов Енисейской губернии, пришел к выводу о том, что «трудно найти другое ведомство, где бы так часто менялись чиновники»^x. Дополнения 1898 г. к «Временному положению о крестьянских начальниках» расширяли права крестьянских начальников в отношении органов общественного управления крестьян и аборигенов. Например, начальники получили право рассматривать все приговоры волостных и сельских сходов. Решения сельских сходов и сугланов подлежали обязательному утверждению крестьянским начальником. В случае несогласия с приговором крестьянскому начальнику предоставлялось право приостановить его действие и представить к отмене на уездном съезде крестьянских начальников.

Деятельность правительства и местной губернской администрации по улучшению качественного состава крестьянских начальников своим практическим следствием имела лишь рост их злоупотреблений и усиление неприязни к ним со стороны русского и аборигенного населения. Последнее обстоятельство особенно ярко проявилось после свержения Николая II в феврале 1917 г. Временное правительство было вынуждено пойти на отмену ряда непопулярных институтов старого режима, в том числе и крестьянских начальников. Но к началу лета 1917 г. из 192 чиновников губернские комиссары отстранили только 60 человек. Созданные же волостные комитеты выступали за немедленную ликвидацию органа. Это заставило Временное правительство 29 июня принять решение об упразднении института крестьянских начальников.

Таким образом, во второй половине XIX в. административная политика правительства в отношении аборигенов сибирского края была нацелена на унификацию их гражданского статуса и постепенному сближению его с русским населением. «Иногородцы» начинают терять ряд прежних

привилегий. И если в пореформенный период причины этого крылись в экономике (заставить платить больше налогов), то в 1890-е гг. политический фактор вышел на первое место. В условиях подъема крестьянских и национальных движений правительство нуждалось в строгом контроле сибирских аборигенов. Для этого был введен институт крестьянских начальников, имевших весьма широкие полицейские полномочия. Крестьянские начальники просуществовали вплоть до 1917 года, однако оставили о себе недобрую память своим произволом.

1.2. Землеустройство и землевладение коренного населения

До прихода русских в Сибири существовал ряд районов земледельческого хозяйства. Широкий хозяйственный комплекс развивался у западносибирских татар. Кроме разведения лошадей и крупного рогатого скота, в Барабинской степи в примитивной форме существовало земледелие. У южных хантов и манси примитивное земледелие, схожее с татарским, имело место на реках Тавде. На Амуре практиковавшееся ранее дауродючерское хлебопашество пришло в упадок еще до появления в тех краях русских колонистов.

Традиционно характер землепользования у аборигенов зависел от природных условий и особенностей хозяйственного уклада на той или иной территории. У коренных жителей Западной Сибири в земледельческих районах сельская община состояла из семей, которые к XIX в. уже были не связаны родовыми узами. Каждая семья владела своими угодьями, и прежде всего пахотными. Часть земель и угодий (луга, водоемы) оставалась в общинном владении. Пахотные угодья делились между дворами по числу душ. Душевые наделы были различны в отдельных районах и зависели от

количества земли, которой располагала община. Периодически, как и в русской деревне, производились переделы. На северо-западе Сибири было достаточно сильным влияние русской земледельческой культуры. Его ощущали на себе, прежде всего, западносибирские татары, манси, отдельные группы хантов и селькупов. Местами здесь даже складывались смешанные сельские общины, инородческое население коих жило оседло и в образе жизни следовало русскому укладу (жило в избах, применяло такую же сельскохозяйственную технику).

В степных районах у южных алтайцев и части хакасских родов превалировало скотоводство. Обширные пастбища, находившиеся в общем владении по царскому законодательству, то есть формально, фактически были в полном распоряжении отдельных богачей. Территория, отводимая во владение той или иной группе аборигенов, не подвергалась какому-либо межеванию. Верхушке общества это давало возможность распоряжаться ей по своему усмотрению. Так, в частности, поступали алтайские зайсаны. К тому же все южные алтайцы были прикреплены к своим дючинам – должностным лицам по родовому принципу. Зайсаны настолько укрепились в своем положении, что сдавали в аренду русским крестьянам земли, отведенные им «во владение» и в общее для всех алтайцев пользование. Родовой принцип землепользования был нарушен у хакасских скотоводов, которые заняли свободные земли после ухода с них енисейских кыргызов.

У племен, осваивавших горно-таежные пространства, охотничьи угодья были общими для всех, кто мог зайти сюда на промысел зверя. Это касалось шорцев, северных алтайцев, части хакасов. Однако в связи с консолидацией племен и более компактным расселением близкие охотничьи угодья охранялись от посещений «посторонних» охотников. Эти относительно близкие от местожительства или более удобные промысловые

территории считались собственностью отдельных родов, больших патриархально-семейных и сельских общин. «Посторонних» для данной территории охотников, застигнутых на промысле, прогоняли, добычу отнимали и разрушали их охотничьи шалаши.

Важнейшим фактом в развитии хозяйства бурят в первой половине XIX в. явились успехи земледелия. В 1824 г. среди бурят числилось 14 543 оседлых и 129 447 кочевых хозяйств земледельцев. Кочевыми земледельцами назывались хозяева, сочетавшие земледелие со скотоводством. Данные цифры особенно показательны, поскольку исключительно скотоводством и промыслами в это время занималось только 32 944 хозяйства.

В землевладении у бурят существовало переплетение общинного и частновладельческого начал. При общинном землевладении земля закреплялась за родом или его частью. Здесь сохранялось общее пользование «кочевьем и скотским выпуском» и душевое наделение сенокосными угодьями и пахотными землями. Периодически производился передел угодий в зависимости от количества душ мужского пола или голов скота. Такой принцип создавал неравномерность землепользования, поскольку существовала личная собственность на скот и резкая дифференциация по владению скотом. Неравномерность усиливалась захватом нойонами общинной земли, зачастую оформлявшимся юридически.

Скотоводство издревле составляло львиную долю экономики коренного сибирского населения. Для него нужны были обширные земельные угодья. Только в одной Енисейской губернии в начале XIX в., по сведениям властей, было 92 911 лошадей. Зажиточные «татарские» семейства имели до 100 табунов по 60 коней в каждом. Поголовье овец

составляло 51 885 штук, число свиней было куда меньшим – 280, поскольку они «не составляют ни промышленности, ни любимой пищи татар, христиан и язычников^{xi}. Олени использовались как домашние животные аборигенами Канского округа, еще более широкое хождение они имели среди эвенков Енисейского округа. Хотя по состоянию на первую половину XIX в. их поголовье насчитывало менее 3 тысяч особей, енисейский губернатор А. Степанов сообщал, что «стада ланей домашних бывали прежде чрезвычайно велики» - до 12 000 особей^{xii}.

Некоторые народы использовали свои земли как охотничьи угодья. Эвенки, например, занимались собирательством и охотились на медведей в обширных лесных массивах. Убивая оленей, лисиц, соболей, эвенки снимали с них шкуры и обрабатывали их для продажи, а мясо употребляли в пищу. Как для эвенков, так и для множества прочих этносов водоемы служили местом рыбной ловли и транспортными артериями. На Байкале и Селенге существовали бурятские рыболовные статьи «Поспеловская», «Твороговская 1» и «Байхорский сор».

Хакасы достигли значительных успехов в орошении полей в засушливых степях. Вода отводилась из рек с помощью системы канав, для чего иногда вводились в строй уже готовые, но запущенные каналы прежних обитателей исторического Хонгорая. Оросительные сооружения были довольно сложными для своего времени. Из рек отводился магистральный канал в 5-6 метров шириной и в метр глубиной. Все пахотные наделы примыкали к нему. От канала отходили вдоль наделов второстепенные арыки, у начала которых имелись небольшие запруды. Когда нужно было пустить воду из канала в арык, то запруды открывали. От арыков на пашни прокапывали борозды или мелкие канавки - «чолах», которые и

производили орошение. Есть сведения, что искусством ирригации владели и жители бурятских местностей Иркутской губернии. Важное значение в их сельском хозяйстве имели утуги – унавоженные сенокосы. Во многих ведомствах утуги орошались. Это повышало их производительность. Ирригация производилась посредством канав, проведенных из ключей, рек и речек, которые запружались в необходимых местах.

В XIX в. царское правительство идет по пути официального закрепления неравенства разных слоев коренного населения в области землепользования. Так, у якутов при распределении урожая соблюдались принципы «классной системы», утвержденной Второй ясачной комиссией (1828-1835 гг.). Члены рода подразделялись на три, пять, а иногда и больше классов по размерам уплаты ясака, податей и повинностей. В большинстве случаев землю получали три первых класса, причем соотношение урожая сена, получаемого их членами, выражалось в цифрах 3:2:1, то есть если один надел первого класса равен трем возам сена, то надел второго класса – двум возам, а третьего – одному возу сена. Это показывает, что в угоду богатого класса якутов царская администрация санкционировала резкое неравенство в землепользовании, и поэтому якутские тойоны были лояльны режиму.

Кроме своих наделных участков, хозяева первого и второго класса располагали еще и сверхнаделными землями. Пользуясь данной привилегией, богачи огораживали добрую часть общественных пастбищ или сенокосных угодий. Часто для временного откорма скота огораживали отдельные глухие участки, не попавшие в «земельные ведомости».

У алтайцев эксплуататорскую верхушку общества составляли зайсаны и баи. Они являлись крупными скотовладельцами, обладателями обширных и лучших пастбищ и сенокосов. Зайсаны представляли собой привилегированную группу патриархально-феодалного типа. Они со своими

помощниками – демичами стояли во главе управления дючинами (волостями), освобождались от податей и повинностей, телесных наказаний. Хотя официально зайсаны получали от своих дючин небольшое содержание, их основные доходы составляли присвоение части ясачно-податных сборов, взятки, натуральные поборы с населения трудом и продуктами.

Баи – богачи, из которых отдельные имели стада численностью от 10 до 25 тыс. голов. Баи выходили из среды рядовых кочевников, разбогатевших путем ростовщичества и других операций. Выделялись укту-баи (родовитые). Их богатство было наследственным и передавалось из поколения в поколение. По своим классовым интересам баи были связаны с зайсанами. Как первые, так и вторые эксплуатировали зависимых работников (кулов, айбачей) и рядовых скотоводов.

По отношению к местной знати царский режим проводил двоякую политику. С одной стороны, он поддерживал ее как свою опору среди аборигенов. Однако, законоположениями уже с 1760-х гг. родоначальники приравнивались в сословном отношении к простым родовичам: и те и другие считались равноправными членами сельской общины. Уставом 1822 г. аборигенная верхушка окончательно сближалась с государственными крестьянами. Таким образом, процесс феодализации, наметившийся еще в дорусский период, был прерван царским правительством. Лишь единицам «почетных инородцев» удалось пробиться в дворянское сословие. Среди них старшина хоринских бурят Иван Новоселов, тайша хоринцев Галсанов и др.

Местная знать не могла легко примириться с утратой привилегий, приобретенных ее предками еще в дорусский период. Она неоднократно предпринимала попытки подрвать государственное землевладение в Сибири и заменить его частнособственническим, отнять у царизма право на феодальную ренту с «инородцев». При этом знатные аборигены опирались

на накопленные богатства. Именно в их руках находилась основная масса скота, и по местным масштабам они вели крупное скотоводческое хозяйство. Н. С. Щукин, побывавший в Якутии в 1829-1830 гг., отмечал, что отдельные якутские тойоны имели до тысячи голов скота^{xiii}.

С течением времени появлялись нормативные акты, нацеленные на ограничение власти родовой верхушки, в том числе и в области землевладения. Созданный в 1824 г. «Проект степных законов для инородцев, обитающих в Енисейской губернии» был именно таким. Проект пытался ограничить захват старшинами общинных земель. Он оговаривает для них право только на временное получение 30 десятин покосов и прочих угодий по месту своей общественной службы. Также устанавливался раздел общественных угодий, пашен и сенокосов между родовичами «по числу душ мужского пола, состоящих в каждом семействе». В целях поощрения хозяйственной инициативы в хакасском народе авторы предусматривали за всеми родовичами право расчистки пустошей под пашни и приобретения возделанной земли во владение с согласия родового управления^{xiv}. Так, проект пытался провести в жизнь прогрессивную для своего времени буржуазную идею узаконения частной крестьянской земельной собственности.

Тем не менее, проникновение российского торгово-промышленного капитала в ряд сибирских регионов и вовлечение местных экономик в общеимперский рынок приводило к еще большему социальному неравенству и эксплуатации. Например, тувинские богачи закабалили охотников, бедняков, давали в долг ружья, коней, провизию и собак с условием уплаты половины добычи. Кабала распространялась на полеводство и скотоводство. Сюрюн Хомушку из арбана Шат, где из 60 хозяйств больше половины были бедняцкими, имел лошадь, корову и овец,

сеял около 0,5 га хлеба, но прокормиться этим не мог и брал у Езуту быка для пахоты, корову, молоком которой пользовался четыре месяца, и барбу (кожаный мешок) семенного зерна для посева, а за все это сдавал ему хлеб с 1,5 га пашни. Чажын Кужугет из местности Чыргака имел лошадь, две-три коровы, одного быка, сеял $\frac{1}{4}$ хлеба на себя и $\frac{3}{4}$ на богача Педена^{xv}.

Несмотря на законодательные ограничения, процессы имущественной дифференциации в обществах аборигенов продолжались и в дальнейшем. У хакасов во второй половине XIX в. земля формально считалась общинной, но фактически принадлежала хакасским богачам и русским предпринимателям, нередко сдававшим сенокосные участки в аренду беднякам. Размерами богатства из качинских родовых групп выделялись баи. В 1858 г. байской верхушке качинцев принадлежало 60 % всего поголовья крупного рогатого скота. Бай-качинец Григорий Картин имел в своих четырех хозяйствах 11 000 голов лошадей и крупного рогатого скота. В 1887 г. в среде хакасов к наиболее богатым относились 26 семей качинцев, в каждой из которых насчитывалось от 500 до 1800 лошадей. В их числе четыре семьи Картиных, Сукины, Доможаковы, Аевы, Спирины, Конгаровы, Котюшевы и Кобяковы.

Имеются сведения, что некоторые «инородцы»-кулаки достигли своего положения обманным путем. Тувинский бай Ажыкай, в молодости заядлый скотокрад, стал впоследствии посылать на воровство своих наиболее ловких партнеров по ремеслу, а сам перешел к скототорговле. Сбывая скот русским и китайским купцам, Ажыкай брал взамен товары, а потом перепродавал их тувинцам. В Тодже он имел три палатки по скупке пушнины. Ажыкай практиковал закупку хлеба у русских, затем раздавал его вместе с излишками своего хлеба аратам-скотоводам. На кочевьях Элегеста,

Тургена и других мест паслись 1400 лошадей, 1 тыс. овец, 1100 голов крупного рогатого скота Ажыкая. На него работали 72 аратских двора и 22 охотника. Ажыкай стал первым из тувинских баев использовать наемный труд русских крестьян^{xvi}.

Во второй половине XIX в. развитие капитализма стало захватывать и сибирские окраины. Конкретным выражением этого было развитие Ленских золотых приисков. Рост добычи драгоценного металла, умножение числа рабочих, «золотая лихорадка» создали рынок для сельскохозяйственной продукции, одновременно вызвав повышение цен на них. Якутия превратилась в один из основных источников снабжения приисков сельскохозяйственными продуктами. Туда направлялись мясо, молоко, рыба, хлеб, фураж. Необходимость массовой доставки продуктов к местам потребления привела к развитию извозного промысла. Якутская область, находившаяся в непосредственной близости от этого промышленного района, испытывала его сильное влияние. Наличие приисков стимулировало расширение сенокосов и развитие скотоводства. Происходили увеличение запашек и массовый переход якутов к земледелию. В новых условиях часть старой патриархально-феодальной знати стала проводить значительные расчистки земель под пашню, высевать ежегодно сотни пудов хлеба, разводить породистых свиней, улучшенные породы коров и лошадей, выписывать сельскохозяйственные машины (молотилки, сеялки и др.). Богачи строили электростанции, энергию которых использовали на своих фермах, мельницах и при молотье хлеба.

Неравномерное распределение угодий между различными родовыми и территориальными группами аборигенов провоцировало трения и судебные разбирательства. Обычно недовольная своими мизерными наделами беднота требовала перераспределения покосов.

Богачи, желая направить недовольство в безопасное русло, сохранить свои наделы, а вместе с тем и поживиться за счет соседей, обычно уговаривали сородичей требовать прирезки земель за счет соседних территорий.

В Якутии, например, многочисленные тяжбы между наслегами за пограничные участки тянулись десятками лет. Около двадцати лет продолжалась тяжба между Алтанским и Эмисским наслегами из-за покосов на оз. Куду. В 1864 г. родовичи Эмисского наслега спустили это озеро, находившееся на границе с Алтанским наслегом. Родовичи Алтанского наслега подали жалобу, что спуск озера нанес им ущерб. В 1867 г. между Алтанским и Эмисским наслегами было заключено соглашение, по которому эмиссцы уступили третью часть образовавшихся после спуска озера покосов алтанцам. Но через несколько лет, когда озеро Куду еще больше высохло, из-под воды появились новые покосы. Алтанцы потребовали прирезки, эмиссцы не соглашались. Спор тянулся до 1893 г. и был решен в пользу эмиссцев^{xvii}.

Тяжбы велись и между целыми улусами. Дюпсинский улус в течение ряда лет требовал прирезать к нему от Намского улуса остров Бакча на Лене и урочище Тарахана. Дюпсинцы мотивировали свое требование тем, что намцы постоянно сдают им в аренду эти участки, а также тем, что у намцев много сена и они его продают. Иногда подобные споры приводили к некоторому изменению границ улусов. Так, от Баягантайского улуса были отрезаны земли в пользу Борогонского улуса^{xviii}.

До нас дошли сведения о конфликтах между русскими крестьянами и аборигенами, возникавшие из-за вопроса о владении землей. Коренное население владело землей на основании «Устава об управлении сибирских инородцев» 1822 г., а русские крестьяне использовали право захвата. Отсутствие каких-либо планов и четких границ земельных владений

приводило к чересполосице, занятию чужих земель по незнанию, что служило основой для поземельных споров. С 1870 г. тянулся конфликт между «татарами» Серточульского улуса Кызыльской управы и крестьянами деревни Парнинской Ужурской волости Ачинского округа. Исследователь А. Ярилов в своих работах приводит немало фактов взаимных претензий: «Иностранцы жалуются, что крестьяне запрещают им распахать землю, сами же в их дачах пахут. Крестьяне ... указывают на захват иностранцами их покосов»^{xix}.

Конфликт в дер. Парнинской примечателен тем, что здесь проживали совместно с крестьянами «иностранцы» Парнинского улуса, и они выступили в данном споре на стороне крестьян, что доказывает не этнический, а исключительно хозяйственный характер данного спора.

Обычно поземельные споры решались через обращение в административные инстанции или волостные суды и иностранческие управы, но поскольку дела в них затягивались, то участники конфликтов решали проблему собственными силами. Так, в 1890-х гг. крестьяне Березовской волости накосили сено на «иностранческих» покосах, хакасы отобрали его, и крестьянам пришлось выкупать сено^{xx}.

В поземельные отношения «иностранцев» вносили существенные коррективы планы центральных властей. В пореформенный период (1860-1870-е гг.) правительство предприняло энергичные усилия по реформированию основ аграрного законодательства сибирских народов. Общность экономических и политических процессов России и Сибири предопределило единство дворянско-крепостнических методов решения аграрного вопроса.

В 1866 г. правительство предприняло попытку распространить на Сибирь реформу о поземельном и административном устройстве государственных крестьян центральной России. Однако обсуждение этого вопроса в областных и губернских советах Сибири показало отсутствие у местной администрации четкой программы преобразований. Созданная в 1872 г. по инициативе П.А. Валуева межведомственная комиссия предложила распространить будущую реформу на оседлых и кочевых «инородцев», предоставив им, как и русским крестьянам, право ограниченной собственности на землю при условии уплаты в казну государственной оброчной подати. Экономические выгоды правительства в случае утверждения проекта были несомненны. Поземельное устройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании должно было не только привести к росту оседлости, но и к перечислению кочевых народов в категорию оседлых и возведению в более высокий ранг государственных крестьян.

Однако осуществление этих мер могло стимулировать развитие капиталистических отношений в хозяйстве аборигенов. В этом смысле сибирские проекты перекликались с реформой 1861 г. В основе такого совпадения лежала общая буржуазная направленность правительственного курса.

Аграрная политика правительства конца XIX в. характеризовалась продворянской направленностью. Место «инородческого» вопроса в этой политике определялось надеждами на значительные земельные изъятия у аборигенов с целью образования переселенческого фонда. Царские власти решили провести землеустройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании, наделив их наделом по 15 десятин. Земля отводилась в пользование «инородческих» обществ. Отчуждение и залог земельных

наделов запрещались. За пользование землей аборигены обязывались уплачивать казне оброчную, а впоследствии поземельную подать. Подоплеку такого решения следует видеть в фискальных и ассимиляторских интересах правительства.

Аграрные законы конца XIX – начала XX вв. распространялись на территорию всей Сибири, за исключением Якутской области. Так называемые «бродячие инородцы» также не подлежали землеустройству. Законодатель исходил из постулата признания верховного права собственности на все сибирские земли за государством и Кабинетом, поэтому земля отводилась аборигенам не в собственность, а в пользование. За исключением скотоводов Забайкальской области, все остальные «инородцы» по окончании землеустройства переводились в категорию оседлых.

На первом этапе проведения реформы в 1896-1906 гг. к землеустройству аборигенов правительство подходило осторожно. Основной причиной этому стали широкие протесты коренного населения и наличие фонда пустопорожних земель, пригодных для колонизации. В ходе революции 1905-1907 гг. национально-освободительное движение народов Сибири значительно активизировалось. Потенциальная опасность одновременного выступления русского и аборигенного крестьянства заставила правительство приостановить землеустроительные работы в ведомствах коренного населения.

После третьеиюньского государственного переворота в условиях аграрной реформы П. А. Столыпина и роста переселенческого движения сибирский земельный фонд стал одним из средств решения аграрных противоречий Европейской России. Для этого периода характерны многочисленные требования правительства об активизации землеустройства

и сокращения земельных наделов аборигенов. Даже Якутия, на территорию которой землеустройство не распространялось, стала рассматриваться как возможный резервный район для переселения крестьян центра страны. Начали создаваться особые инородческие землеустроительные партии, с 1915 г. землеустроительные работы стали вестись исключительно на землях коренных народов.

Ко времени Октябрьской революции 1917 г. землеустройство народов Сибири, за исключением Горного Алтая, не было завершено. В Томской губернии, например, работами было охвачено 55% земель коренного населения, в Тобольской – менее половины. Тем не менее, земельные отрезки у аборигенов были очень велики. У бурят Иркутской губернии они составили 945 115 десятин, или 47% дореформенного землепользования, у бурят Забайкальской области – 2 061 000 десятин, или 30%, у хакасов Енисейской губернии – 670 000 десятин (33%), у аборигенов Томской губернии – 59 000 дес. (34%), в Горном Алтае – 121 622 дес. (25%), в Тобольской губернии – 27 407 дес. (22%)^{xxi}.

По другим данным, общая площадь земель, изъятых у хакасов Енисейской губернии, равнялась 744,5 тыс. дес. земли. Естественно, что сокращение земельного фонда было очень болезненно воспринято «татарами». Особенно оно ударило по экономическим интересам той их части, которая продолжала вести кочевое скотоводческое хозяйство. Но дело было не только в экономических интересах аборигенов. Принудительный перевод на оседлый образ жизни воспринимался ими как угроза утраты своей национальной идентичности^{xxii}.

Всего по Сибири число отрезанных угодий равнялось 38 841 888 дес., или 29% от прежнего земельного фонда. Большая часть отрезков была передана переселенцам.

Таким образом, анализ фактического материала позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, до прихода русских в ряде районов Сибири уже существовала культура земледелия (у татар Западной Сибири и др. народов). Во-вторых, народы, проживавшие в регионе, в течение веков выработали нормы регулирования земельных отношений. В-третьих, на протяжении XIX в. увеличивалось число аборигенов, переходивших к земледелию. Особенно интенсивно этот процесс протекал на юге Сибири, где были более благоприятные для этого природные условия. В-четвертых, российское правительство закрепляло неравенство аборигенов в плане землевладения и землепользования, чтобы опираться в своей политике на зажиточную верхушку «инородцев». В-пятых, с развитием капиталистических отношений неравенство в области землепользования в среде аборигенов только углублялось, однако вхождение в рыночные связи способствовало бурному экономическому росту прежде отсталых районов (Ленских золотых приисков и др.). Наконец, в-шестых, земельные права аборигенов были серьезно урезаны правительством в конце XIX – начале XX вв. в связи с переселением крестьян из Европейской России в Сибирь; это не могло не раздражать представителей коренных народов и стало стимулом для развития национально-освободительного движения.

1.3. Фискальная политика

Со времени вхождения Сибири в состав российского государства представители коренных народов обязаны были вносить подати в пользу нового сюзерена. Среди них земские повинности (устройство дорог, предоставление квартир земским чиновникам), 44-копеечный подушный сбор и др. В совокупном обложении коренных жителей на долю земских повинностей приходилось более 50%. Однако самым характерным налогом,

взимаемым с аборигенов, был ясачный сбор. Обычно он состоял из «мягкой рухляди» (дорогостоящей пушнины), однако недостаток соболя заставлял власти корректировать требования. Указ 1706 г. гласил: «... буде в которых годех ясашным людям по самому правому свидетельству ко окладу сполна соболми и мяхкою рухлядью...заплатить будет немочно, и с тех ясачных людей в полной оклад к соболиному платежу и мяхкой рухляди донимать белкою и горностоями»^{xxiii}. В Березовском и Сургутском уездах с самого начала XVIII в. ясак собирался песцами, соболями, лисицами, росомахами, белками, выдрами и прочими пушными зверями, а также меховыми шубами, оленьими и лосиными шкурами.

Сбор подати с «ясачных иноземцев» вплоть до середины XVIII в. никак не регламентировался и фактически был пущен на произвол местных властей. Подобная практика сбора ясака порождала не только массу вопиющих злоупотреблений, но и приводила к хищническому истреблению пушных богатств края. В целях упорядочения ясачного сбора в Сибирь в 1763 г. была командирована особая комиссия под председательством секунд-майора лейб-гвардии Семеновского полка Щербачева. Комиссия провела перепись ясачных и обложила их новой податью. По данным комиссии, в Восточной Сибири числилось 90 519 душ иноверцев мужского пола. Сумму положенного на них ясака комиссия определила в 122 075 руб. В Западной Сибири комиссия насчитала 19 591 душу коренного жителя. Ясачный оклад с них составлял 19 169 руб. Величину оклада определяли следующие факторы: 1) число трудоспособных людей; 2) «обилие занимаемых мест в отношении к разным родам промышленности»; 3) согласие представителей власти коренных народов. Коренное население получило право платить подать «мягкой рухлядью» или эквивалентно деньгами, или и тем и другим вместе^{xxiv}.

Постепенно в связи с эволюцией экономики аборигенов и появлением новых видов хозяйственной деятельности (например, земледелия) они не могли платить ясак в прежнем объеме. К тому же обострялось противоречие в ясачной политике правительства: разрешение в целях обеспечения более полных сборов уплачивать налог деньгами, с одной стороны, и стремление к максимальному сбору пушниной – с другой. К тому же в Петербург шел непрекращающийся поток жалоб о злоупотреблениях сибирских чиновников. В целях наведения порядка и приспособления старого государственного аппарата к новой обстановке самодержавие было вынуждено провести ряд мероприятий, одним из которых была ревизия 1819-1822 годов. Ревизия должна была выявить новые возможности повышения доходности края, успокоить население и водворить новый порядок в местном государственном аппарате.

Получив назначение, Сперанский отчетливо сознавал, что управлять Сибирью при существующем порядке вещей невозможно. Само царское правительство также понимало, что улучшение не наступит без изменения системы управления. Ревизия выявила множество вопиющих нарушений со стороны власть имущих, вплоть до губернаторов. Большинство преступлений составляли дела о коррупции и произволе. Часть их касалась «инородческого» элемента населения. Например, местная администрация Каинского уезда противодействовала сплаву леса под тем предлогом, что это наносит ущерб пушному промыслу аборигенов и, как следствие, выплате ясака. Однако было известно, что в указанном районе к тому времени господствовали товарно-денежные, а не натуральные отношения. Помощник Сперанского Осипов писал своему начальнику о злоупотреблениях в Туруханском крае, выявленные им в ходе поездки. Среди них упомянуты присвоение и растрата пушнины казначеем Дудиным, сокрытие сведений о поступлениях денег и «мягкой рухляди», невыдача аборигенам

продовольствия, незаконная торговля исправника Бутыркина с коренными жителями, продажа «инородцам» алкоголя и их спаивание. Подробнее Осипов рапортует об эвенкийской Турыжской волости, считавшейся вымершей и приписанной заседателем Мингалеевым к соседней Илимпеевской волости. В действительности же там обитало 87 душ мужского пола.

Должностные преступления совершались и представителями инородческой верхушки. Бывший тайша хоринских бурят Куванов в 1818-1819 гг. собрал «без всякой надобности» 127 906 руб. 10 коп. С другого старейшины, некоего Мохоева, рядовые сородичи взыскивали 15 820 руб. 54 коп. С тункинских бурят за три года (до 1820 г.) было незаконно собрано до 70 000 руб. Кудинский волостной голова позаимствовал из приказа 13 000 руб., а также взял из казначейства 8 400 руб. по фальшивой общественной доверенности. Более того, почти во всех инородческих обществах обнаружались незаконные поборы. Не отставали от светских чиновников и духовные лица. Множество жалоб поступило на ламу Ширетуя Бохоева. Он обвинялся во взятках и вымогательстве. Следственная комиссия доказала хищение священнослужителем 10 252 руб. 60 коп.

По возвращении М. Сперанского в столицу для рассмотрения его отчета и плана реформ 21 июня 1821 г. был создан I Сибирский комитет. По замыслу авторов, этот высший орган должен был не только объединить управление Сибирью, но и разгрузить другие государственные учреждения. Первый Сибирский комитет отличался от непосредственного своего предшественника – Комитета по делам Сибирского края – тем, что имел более стабильный состав членов, длительное существование, свою канцелярию и широкие полномочия. На заседании 3 ноября 1821 г. были объявлены функции нового органа. Они заключались в рассмотрении

предложений по реформированию управления Сибирью, претворении этих проектов в жизнь, в рассмотрении предложений, исходящих от инородческой верхушки и разрешении затруднений, которые могли встретиться на пути реализации предложений. По всем этим вопросам сибирские генерал-губернаторы должны были обращаться непосредственно в Комитет, но в ходе обычного управления сохранялся общий порядок отношений с министерствами. Комитет мог осуществлять координационные функции при определении правительственной политики по отношению к Сибири, ускоряя рассмотрение сибирских дел и объединяя действия разрозненных ведомств и сибирских генерал-губернаторов. Сибирский комитет не имел регулярных заседаний и собирался по мере накопления дел. Его положения поступали прямо к царю на утверждение, минуя другие инстанции. I Сибирский комитет действовал до 1838 г. и занимался не только обсуждением реформ, их реализацией, но и многочисленными вопросами текущего управления.

За короткий срок (с 28 июля 1821 г. по 19 мая 1822 г.) в Сибирском комитете был рассмотрен целый пакет законодательных актов, вошедших в особое «Сибирское учреждение». Это «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами» и другие документ. В их числе состоит и «Устав об управлении инородцев», утвержденный в июле 1822 г. Согласно ему, все аборигены составили три разряда (оседлые, кочевые, полукочевые). Их повинности перед государством определялись исходя из фактора оседлости. Именно оседлые освобождались от всех «ясачных и других сборов, коим они подлежали по разным постановлениям до сего Устава», а с «оставшихся в роде кочевых и бродячих» следовало «взимать впредь до переобложения их то, что за сим исключением следовать будет»^{xxv}. Таким

образом, оседлые аборигены в податном отношении приравнивались к русским крестьянам и передавались в ведение государства, налоги остальных двух групп «инородцев» продолжали поступать в Кабинет Его Императорского Величества – главный финансовый орган коронной фамилии.

Подробное исчисление всех сборов составлялось гражданским губернатором или областным начальником и подлежало утверждению генерал-губернатором. Сборы на содержание родового управления производились на основе общественных приговоров, а на земские повинности – на основании особого положения, выработанного «местным главным управлением». Для точного учета всех сборов вводились специальные шнуrowые книги, хранившиеся в земском суде.

В интересах фиска специальная глава Устава (11-я) была посвящена взысканию недоимок; здесь авторы постарались ограничить вмешательство администрации. Недоимки надлежало взыскивать исключительно во время ярмарок. Традиционное выколачивание недоимок заменялось такими мерами, как настоятельное убеждение, задержание родового старосты, его сына или другого ближайшего родственника. Не исключался также и временный «арест» части пушнины, предназначенной к продаж.

Однако на практике недоимок избежать не удалось. В связи с этим в регион была направлена Вторая ясачная комиссия, состоявшая из двух групп (первая начинала свою работу в Тобольске, вторая первоначально размещалась в Иркутске). Чиновники с 1827 г. по 1835 г. собирали информацию о коренных народах, чтобы привести их обложение в состояние, адекватное доходам и платежеспособности аборигенов. Некоторые территории исключались из поля зрения ревизоров. Например, в их планы не входила работа на Чукотке, поскольку чукчи царским указом

причислялись к народам, «не совершенно еще вступившим в подданство». Здесь видна определенная гибкость Российского государства по отношению к окраинным «инородцам»; самодержавие стремилось привлечь их к себе, для чего шло на уступки в налоговой политике.

В соответствии с принципами Устава 1822 г. инструкция членам комиссий требовала при определении величины ясака учитывать не только количество налогоплательщиков, но и уровень развития хозяйства в том или ином роде, улусе. В отчетах комиссий имелись сведения о количестве и качестве обрабатываемой земли, о соотношении земледелия, охоты и скотоводства, развитии торговли и др. В результате проведенной ревизии размеры податей были значительно увеличены. Только в одной Иркутской губернии подать с жителей увеличилась в 4,47 раза по сравнению с постановлениями предыдущей комиссии^{xxvi}.

Кроме того, комиссия часто не соблюдала принцип добровольности при переобложении. Так, во время работы комиссии в Иркутском округе (июль 1830 – апрель 1831 гг.) «восемь родов не согласились принять...определенного на них количества ясака». В Балаганском ведомстве три рода – первый и второй Икинитские и Онгоев – согласились принять ясак на каждого работника из расчета: первые два – по 5 руб. 65 коп., а третий – по 5 руб. 60 коп^{xxvii}. Комиссия же на каждого работника положила по 6 руб. Иногда правительство, поддерживая представителей местной знати, поощряло межнациональную рознь. Например, в Западной Сибири в состав Хантыйских волостей были включены и обские ненцы. На хантыйских князцов возлагались обязанности собирать с ненцев ясак и «разбирать маловажные дела, как-то: ссоры, драки, кражи, разные споры»^{xxviii}. Князцы при этом извлекали немалую выгоду для себя. Неудивительно, что в ряде

случаев аборигены выказывали сопротивление и отказывались платить подати.

Представители власти отмечали, что доля пушнины в составе ясачной подати в разных местах неуклонно сокращалась. Исследователи, и биологи, и историки, основной причиной резкого сокращения численности соболей с 40 – 50-х гг. XVII в. до начала XX в. считают пере промысел, то есть промысел, превышающий естественный прирост поголовья^{xxix}. Причем в Мангазейском уезде, где соболи в среднем ценнее, чем в Енисейском, запасы их уменьшались быстрее, в Якутском уезде еще более ценные соболи истреблялись быстрее, чем в Мангазейском. Из-за интенсивных темпов промысла и торговли истощались запасы и несоболиной пушнины. К примеру, если в середине XVIII в. в Сибири ежегодно добывалось не менее 2 млн. белок, то в середине XIX в. эта цифра достигла 7,5 млн. В 1837-1840 годах в Енисейской губернии денежный ясак составил 153 076 руб., а ясак пушниной – 11 673 руб^{xxx}.

Одной из крупных правительственных мер, направленных на увеличение сбора ясака, была отправка в Сибирь сенаторской ревизии во главе с тайным советником И.Н. Толстым. Сенатор сначала высказывался за преимущественно пушной сбор и за ограничение свободной торговли с сибирскими аборигенами. Но изучив ситуацию на месте, пришел к выводу, что запрет торговли нецелесообразен, а денежный ясак предпочтительнее пушного.

В дальнейшем власти все же пошли на ограничение торговли с коренными сибиряками. К примеру, в проекте Полонского чиновникам категорически запрещалось иметь торговые связи с аборигенами. За нарушение этого положения предлагалось конфисковать имущество виновных. Также расширялись права сибирской администрации в отношении

контроля и надзора за деятельностью органов самоуправления коренных жителей. Причиной тому было усиливавшееся национальное движение в среде «инородцев». Центральному правительству добавлял головной боли тот факт, что Сибирь продолжала оставаться местом ссылки, и освободительные идеи находили отклик на окраине.

Осенью 1864 г. проект Полонского рассматривался в совете Главного управления Восточной Сибири. По указанию генерал-губернатора в совете были сосредоточены все сведения о ясачном законодательстве, имеющиеся в распоряжении администрации. В итоге было решено оставить без изменений существующий закон о свободной торговле с «инородцами». Кроме того, Совет предписал собирать ясак деньгами, «дозволив однако же вносить ... подать и шурами». Последнее еще раз демонстрирует понимание властями невозможности сбора ясака исключительно пушниной. Статистика подтверждает это: если в 1855-1859 гг. ясачные поступления пушниной составили в денежном отношении 109 246 руб. серебром, то уже в 1865 году было собрано «рухляди» только на 18 750 руб. серебром^{xxxі}.

Предложения Полонского были утверждены Александром II 2 октября 1868 г. В царском указе говорилось, что отныне сбор ясака рухлядью должен проводиться только в тех местностях, «которые предоставляют кочующим и бродячим инородцам вносить ясак зверем». Решение вопроса о том, каких именно аборигенов «по местным условиям» следует обложить деньгами, возлагалось на генерал-губернатора.

В начале 1870-х годов в связи с началом подготовки землеустройства сибирского населения правительство отказалось рассматривать проблему ясачного сбора, ставя решение этого вопроса в прямую зависимость от подготовки и осуществления аграрных преобразований в стране.

В первое пореформенное десятилетие правительству так и не удалось добиться количественного и качественного увеличения ясака. Это и привело к упразднению должности управляющего сбором ясака в 1870 году. Реформировать податное обложение аборигенов должна была комиссия Медема. Стремясь уравнивать аборигенов в отношении прав и размеров землепользования с крестьянами, члены комиссии предлагали поступить аналогичным образом и в вопросе отбывания ими податей и повинностей. Смысл проектируемых новшеств сводился к проведению поземельного устройства и на этой основе замене ясака и других подушных сборов, уплачиваемых кочевниками, «оброчной за землю податью». Таким образом, комиссия Медема высказалась за переложение ясачной ренты на землю. Однако длительная – около трех десятилетий – подготовка землеустройства сибирского населения отодвинула сроки проведения податной реформы на конец 1890-х гг.

В начале 1890-х годов Министерство финансов активизировало разработку проектов податной реформы. Основным смыслом преобразования заключался не в отмене подушных податей, уплачиваемых оседлыми аборигенами, а в их замене другими сборами. Один из проектов реализовывался в циркуляре 1893 г., в котором говорилось, что сумму поземельного сбора следует устанавливать «по каждому округу по соображению с ныне взимаемых с крестьян подушной и оброчной податью и межевым сбором». Из этого следует, что объем повинностей после реформы не должен был уменьшиться.

19 января 1898 г. был принят закон «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями». Применительно к местным народам в акте говорилось, что подушная и оброчная подати, ясачный сбор и сбор на межевание, которые платили

крестьяне и оседлые «инородцы» Сибири, подлежат отмене с 1 января следующего, 1899 года^{xxxii}. К кочевникам Енисейской и Иркутской губерний это правило тоже относилось. Однако ряд территорий исключался из зоны действия закона. Среди них были Туруханский край Енисейской и Киренский округ Иркутской губернии. В указанных районах временно сохранялся старый порядок налогообложения.

Издание нового закона не означало, что коронное ведомство отказалось от сбора ясака как такового. По сведениям Кабинета, его доход от сбора ясака в 1908 г. составил 127 162 рубля, пушной сбор исчислялся в 280 руб. По мере проведения землеустройства народов Сибири ясак как бы «выкупался» у Кабинета министерством финансов. Ежегодный размер выкупов в первое десятилетие после опубликования закона о податной реформе составлял 125 152 рубля^{xxxiii}.

В последние годы существования Российской империи значительная часть аборигенов, несмотря на реформу, платила не оброчную подать, а ясак. Данную ситуацию можно объяснить следствием затянувшегося в Сибири землеустройства и консерватизмом чиновников Кабинета. В 1914 г. ясачный сбор с сибирских аборигенов составил 71 102 руб., из этой суммы Тобольская губерния дала 7 773 руб., Томская – 11 011 руб., Енисейская – 44 940 руб., Иркутская – 2 903 руб., Забайкальская область – 44 940 руб^{xxxiv}. В бюджетных ведомостях Кабинета ясачные поступления планировались вплоть до 1917

Проанализировав вышеизложенное, можно сделать несколько выводов. Административная и ясачная политика российских властей имели преимущественно фискальный характер. По реформе управления М. Сперанского все аборигены были разделены на три разряда, права и обязанности которых определялись их хозяйственной деятельностью. Основными органами самоуправления провозглашались инородческие думы

и управы. Государство проводило двойственную политику по отношению к местному населению Сибири: с одной стороны, консервировало их традиционные отношения, с другой – приводило под «государеву руку»: даже верхушка «инородцев» приравнивалась к крестьянам. К концу XIX в. власти пришли к идее унификации статуса инородцев и русских крестьян. Начинают производиться изъятия их земель, на которых селятся выходцы из Европейской России. Эти меры вызывают недовольство аборигенов, поскольку их прежний статус был выше. Это создает среду для конфликтов, которые, однако, не принимали широкого размаха. Что касается ясачной политики государства, то можно резюмировать, что, во-первых, с момента присоединения Сибири к Российскому государству ясак – налог пушниной – оставался основной формой налогообложения коренных народов. Во-вторых, по мере развития у аборигенов товарно-денежных отношений происходила коммутация ясака – переход его из натурального вида в денежный, причем последний на протяжении XIX в. играл все более значительную роль, а количество «рухляди» в податях быстро сокращалось. В-третьих, неупорядоченный характер сбора податей и злоупотребления властей заставляли правительство периодически направлять в регион комиссии, задачей которых было приведение норм сбора в соответствие с растущими потребностями государства. В-четвертых, по ряду причин «инородцы» не успевали вносить ясак в требуемые сроки или вообще были не способны уплатить подать; следствием этого были недоимки, носившие хронический характер. В-пятых, число плативших ясак аборигенов в указанный период сокращалось, поскольку в податном отношении оседлые народы по Уставу 1822 г. были приравнены к русским крестьянам. Наконец, в-шестых, в самом конце XIX в. правительством была сделана попытка заменить ясак поземельной податью, однако реформа претворялась в жизнь

медленно, и к 1917 г. большинство аборигенов продолжало платить ясак, преимущественно денежный.

¹ Пругченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. С. 24.

¹ Там же. С. 21.

¹ Там же. С. 176.

¹ ПСЗ-1, т. 38, № 29126, §13.

¹ ПСЗ-1, т. 38, № 29126, §1.

¹ ПСЗ-1, т. 38, № 29126, §26.

¹ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986. С. 60-63.

¹ ПСЗ-3, т. 3, № 1412.

¹ История Сибири (в 5 т.). Т.3. Сибирь в эпоху капитализма (1861 -1917). Новосибирск: Наука, 1965. – 190 с. С. 73.

¹ Степнянин В. А. Крестьянские начальники Енисейской губернии // Красноярский государственный педагогический институт. Ученые записки. Т. 9. Вып. 1. Кафедра истории, 1957. С. 139.

¹ Степанов А. П. Енисейская губерния. Красноярск: Изд.во «Горница», 1997. – 224 с. С. 80-84.

¹ Там же. С. 85.

¹ Щукин Н. С. Поездка в Якутск. СПб., 1844. С. 302.

¹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск: Наука, 1983. – 400 с. С. 149.

¹ Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. М., 1956. С. 246.

¹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск: Наука, 1983. – 400 с. С. 149-150.

¹ История Якутской АССР. Т. 2. Якутия от 1630-х гг. до 1917 г. М.: Изд.во АН СССР, 1957. – 420 с. С. 288.

¹ Там же. С. 288-289.

¹ Ярилов А. А. Кызыльцы и их хозяйство: литературные, архивные и опросные данные // Былое и настоящее сибирских инородцев: материалы для их изучения. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1899. Вып. 3. 366 с. С. 179.

¹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Иркутск: Тип. Штаба Иркутского военного округа, 1894. Т. 4, вып. 3, 4. 227 с. С. 77.

¹ Дамешек Л. М. Аграрная политика правительства и народы Сибири на рубеже XIX – XX вв. // Дуловские чтения 1997 г. (секция истории). Иркутск, 1998. С. 66-67.

¹ Хоменко Д. Ю. Межэтнические отношения между коренным и русским населением на юге Енисейской губернии (вторая пол. XIX – начало XX вв.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета. 2012. С. 396-402.

¹ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Наука, 1975. С. 234.

¹ Дамешек Л. М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX в.: монография. Иркутск: Изд.во ИГУ, 2014. – 303 с. С. 170-171.

¹ ПСЗ-2, т.2, № 1197.

¹ ПСЗ-2, т.2, № 7919.

¹ Дамешек Л. М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX в.: монография. Иркутск: Изд.во ИГУ, 2014. – 303 с. С. 191-192.

¹ История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 т.). Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. – 540 с. С. 418-419.

¹ Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. – 416 с. С. 135.

¹ Там же. С. 155.

¹ Дамешек Л. М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX в.: монография. Иркутск: Изд.во ИГУ, 2014. – 303 с. С. 248.

¹ ПСЗ-3, т. 18, отд. 1, № 14908.

¹ Дамешек Л. М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX в.: монография. Иркутск: Изд.во ИГУ, 2014. – 303 с. С. 268.

¹ Стенографич. отчет Государственной Думы. Доклады бюджет. комиссии 1913 -1914 гг. Четвертый созыв. Сессия вторая. СПб., 1914. Доклад № 49. С. 31.

-
- i Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899. С. 24.
- ii Там же. С. 21.
- iii Там же. С. 176.
- iv ПСЗ.1, т. 38, № 29126, §13.
- v ПСЗ.1, т. 38, № 29126, §1.
- vi ПСЗ.1, т. 38, № 29126, §26.
- vii Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986. С. 60-63.
- viii ПСЗ.3, т. 3, № 1412.
- ix История Сибири (в 5 т.). Т.3. Сибирь в эпоху капитализма (1861 _1917). Новосибирск: Наука, 1965. – 190 с. С. 73.
- x Степнин В. А. Крестьянские начальники Енисейской губернии // Красноярский государственный педагогический институт. Ученые записки. Т. 9. Вып. 1. Кафедра истории, 1957. С. 139.
- xi Степанов А. П. Енисейская губерния. Красноярск: Изд.во «Горница», 1997. – 224 с. С. 80-84.
- xii Там же. С. 85.
- xiii Щукин Н. С. Поездка в Якутск. СПб., 1844. С. 302.
- xiv Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск: Наука, 1983. – 400 с. С. 149.
- xv Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. М., 1956. С. 246.
- xvi Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск: Наука, 1983. – 400 с. С. 149-150.
- xvii История Якутской АССР. Т. 2. Якутия от 1630 _х гг. до 1917 г. М.: Изд.во АН СССР, 1957. – 420 с. С. 288.
- xviii Там же. С. 288-289.
- xix Ярилов А. А. Кызыльцы и их хозяйство: литературные, архивные и опросные данные // Былое и настоящее сибирских инородцев: материалы для их изучения. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1899. Вып. 3. 366 с. С. 179.
- xx Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Иркутск: Тип. Штаба Иркутского военного округа, 1894. Т. 4, вып. 3, 4. 227 с. С. 77.
- xxi Дамешек Л. М. Аграрная политика правительства и народы Сибири на рубеже XIX – XX вв. // Дуловские чтения 1997 г. (секция истории). Иркутск, 1998. С. 66-67.
- xxii Хоменко Д. Ю. Межэтнические отношения между коренным и русским населением на юге Енисейской губернии (вторая пол. XIX – начало XX вв.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета. 2012. С. 396-402.
- xxiii Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Наука, 1975. С. 234.
- xxiv Дамешек Л. М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX в.: монография. Иркутск: Изд.во ИГУ, 2014. – 303 с. С. 170-171.
- xxv ПСЗ.2, т.2, № 1197.
- xxvi ПСЗ.2, т.2, № 7919.
- xxvii Дамешек Л. М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX в.: монография. Иркутск: Изд.во ИГУ, 2014. – 303 с. С. 191-192.
- xxviii История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 т.). Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. – 540 с. С. 418-419.
- xxix Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. – 416 с. С. 135.
- xxx Там же. С. 155.
- xxxi Дамешек Л. М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX в.: монография. Иркутск: Изд.во ИГУ, 2014. – 303 с. С. 248.
- xxxii ПСЗ.3, т. 18, отд. 1, № 14908.
- xxxiii Дамешек Л. М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX в.: монография. Иркутск: Изд.во ИГУ, 2014. – 303 с. С. 268.
- xxxiv Стенографич. отчет Государственной Думы. Доклады бюджет. комиссии 1913 _1914 гг. Четвертый созыв. Сессия вторая. СПб., 1914. Доклад № 49. С. 31.

Глава. II. СОЦИО-КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ВЛАСТИ И КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СИБИРИ

2.1. Социально-демографические процессы среди коренного населения

Процессы ассимиляции коренного населения Сибири заметно сказывались на динамике его численности. Так, устойчиво положительной она была лишь у наиболее крупных и компактно проживавших этносов Сибири – бурят и якутов. Происходило это за счет как внутреннего воспроизводства, так и включения в свой состав иноэтничных элементов. Так, к концу XIX в. почти завершились процессы ассимиляции карагасов и сойотов в Прибайкалье. В результате в период с XVII в. до конца XIX в. численность бурят выросла с 25-27 до 288,6 тыс. человек, а численность якутов – с 28-30 до 225,8 тыс. чел^{xxxiv}. При этом уменьшалась, иногда до полного исчезновения, численность проживавших на этих же территориях тунгусов, юкагиров, карагасов и сойотов^{xxxiv}.

Историк и публицист Серафим Шашков в своем исследовании положения сибирских «инородцев» в XIX столетии приводит многие цифры уменьшения их количества. Он утверждает, что в Туруханском крае с 1763 г. по 1816 г. вымерло $\frac{3}{4}$ инородческого народонаселения. В 1744 г. ительменов обоего пола было 20 тыс. человек, в 1823 г. – 2 760 человек, в 1850 г. – уже 1 951.

В Березовском округе инородцев обоего пола было 21 001 чел., в 1828 г. – 19 652, убыло за 12 лет 1 349.

В Томском округе с Нарымским краем в 1816 году было инородцев 10 135 чел. обоего пола, а в 1832 г. – 9 724 чел.

В семи барабинских волостях в 1846 г. было татар 4 918 чел., в 1858 г. – 4 419. В Тогоурском отделении население сократилось с 1763 г. по 1816 г. на 137 чел., а с 1816 г. по 1832 г. – на 306 чел.

В двадцати двух волостях Кузнецкого округа инородцев в 1827 г. считалось 5 160 чел., в 1832 г. – 4 399, убыло 771 чел. В 5 волостях Туринского округа в 1763 г. было 555 человек, в 1816 г. – 467 чел.

В Енисейском округе с Туруханским краем в 1838 г. инородцев было 7 740 чел., в 1864 г. – 7 483, убыло 257 чел. Таким образом, несомненно, что во многих местах инородческое население убывает^{xxxiv}.

Следует отметить, что представители областнического направления в историографии, к коим принадлежали С. Шашков, Н. Ядринцев и ряд других ученых, при рассмотрении колонизации Сибири проводили явные параллели с западноевропейским колониализмом. Они считали, что в основу колонизации Сибири русское правительство положило те же принципы, что и Англия в отношении Канады или Франция – Алжира. Могучая волна русских переселенцев якобы сметала туземные племена, которые не могли оценить природного плодородия своих земель. Выдвигался тезис о том, что в силу своей неразвитости аборигены ничего не могли перенять у русских; в

Сибири, как в Канаде или Австралии, масса переселенцев «поглощала самые жизненные элементы туземного общества», а остальные вытеснялись в районы Крайнего Севера, где и вымирили^{xxxiv}.

Одним из основных доказательств пагубного влияния русской цивилизации на народы Сибири у областников было положение о вымирании аборигенов. «Вымирание хантов в Нарымском округе подтверждает Осипов, в Енисейском округе – Кривошапкин, о смертности же енисейских инородцев свидетельствует академик Миддендорф»^{xxxiv}.

Однако статистические материалы опровергают это утверждение. За 250 лет, прошедших со времени присоединения Сибири к России и до начала XX в., численность бурят возросла примерно в 10,6 раза, якутов – в 7,9 раз, алтае-саянских народов – в 6,5, татар – в 3,1, хантов и манси – в 1,5 раза^{xxxiv}.

Приведенные цифры, разумеется, не означают, что у всех народностей Сибири прослеживается тенденция к увеличению численности. Так, например, у юкагиров, ительменов, ненцев за этот же период она не возросла, а, наоборот, уменьшилась. Однако отнюдь не каждый факт сокращения численности аборигенов следует рассматривать под углом их вымирания. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграции и ассимиляции, особенно усилившиеся по мере притока в Сибирь русского населения. Эти наблюдения подтверждаются свидетельствами современников и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языков соседних, более крупных народностей. По материалам первой Всероссийской переписи населения 1897 г., количество «инородцев», признавших своим родным языком русский, по отношению ко всем коренным жителям данной губернии или области выглядит следующим

образом: Тобольская – 3,4%, Томская – 22%, Енисейская – 10,6%, Иркутская – 12,2%, Забайкальская – 13,3%, Якутская – 0,1%^{xxxiv}.

Падение численности какого-либо народа не обязательно означало его вымирание. В этнодемографическом развитии XVII – XX вв. явно выделяются две взаимоисключающие тенденции – постоянный рост совокупного числа аборигенов и часто имевшие место падения численности отдельных коренных этносов или групп этносов в некоторые исторические периоды. При анализе разнохарактерных источниковых материалов выявляются разноуровневые причины как положительных, так и отрицательных тенденций в динамике численности населения в их связи с несколькими факторами.

Одним из таких факторов служили ассимиляции как между русским и местным населением (внешняя ассимиляция), отрицательно сказывавшиеся на численности всех коренных жителей, так и между самими аборигенами (внутренняя ассимиляция), что приводило к росту крупных этносов и задержкам роста (вплоть до полного исчезновения) малочисленных народов и этнических групп; процессы ассимиляции были важнейшей, постоянной и характерной почти для всего коренного населения составляющей этнодемографического развития^{xxxiv}.

Примером масштабной внутренней ассимиляции может служить процесс, имевший место в Киренском округе Иркутской губернии. В 1840 г. там насчитывалось 1645 мужчин-эвенков, в 1897 г. – всего 1210, то есть численность их упала на треть. В то же время в пределах округа численность якутского населения выросла с 25 до 1369 мужчин, то есть более чем в 50 раз^{xxxiv}.

Следующий важный фактор демографических изменений аборигенов – переселения внутри Сибири, вызванные потребностями хозяйства, климатическими, политическими, административными и иными факторами, что приводило в разных случаях к распылению (например, для тунгусов, селькупов и др.) или консолидации этносов (для предков хакасов и части алтайцев и пр.)^{xxxiv}.

Серьезное влияние на демографию коренных народов имели и угоны иноземными захватчиками или самостоятельный уход за пределы Сибири (или тогдашних российских границ) под воздействием отношений с русскими людьми, из-за недовольства политикой государства, представителей местной администрации. Это было характерно для енисейских кыргызов, бурят, среднеазиатских купцов-бухарцев и ряда других народов^{xxxiv}.

Некоторые этнические общности Сибири обязаны своим численным увеличением политике государства по изоляции от русского влияния. Такие народы не испытали потерь от ассимиляции с русскими людьми (алтайцы)^{xxxiv}.

Значительное влияние на численность представителей коренных народов Сибири оказывали не только растворение в других этносах или миграции, но и смертность. В отдельные периоды и для определенных народов она носила массовый характер. Так, в конце XVIII – начале XIX вв. в условиях перехода жителей от традиционных религиозных верований к христианству были часты самоубийства (например, у якутов)^{xxxiv}.

Негативное влияние на демографические показатели коренного населения имело такое явление как голод. Николай Ядринцев в книге «Сибирь как колония» приводит сведения о голоде 1827 года среди хантов Нарымского округа; подобное же бедствие наблюдалось в 1844 г. в

окрестностях Аяна, в 1862 г. – в Березовском округе, в 1878 г. – вновь в Нарыме. Автор утверждал, что голод в Енисейской губернии представлял собой «частое явление». Особенно тяжелой была картина в Туруханском крае в 1814-1816 гг., когда и русские, и инородцы от недостатка пропитания вынуждены были есть падаль и пихтовую кору. Очевидцы рассказывали также и о массовых случаях каннибализма^{xxxiv}.

Еще одним фактором высокой смертности аборигенов в означенный период были серьезные заболевания. Свидетели говорили о распространенности в разных регионах Сибири, в первую очередь, на северных территориях, оспы, тифа, лепры, сифилиса. По словам Н. Ядринцева, в Сургутском округе 19,3% смертности коренных жителей давал кровавый понос и 8,8% - сифилис^{xxxiv}.

Таким образом, мы видим, что не только на протяжении XIX – начала XX вв., но и до этого временного отрезка существовала тенденция увеличения общей численности аборигенного населения Сибири при значительных скачках показателя в отдельные периоды. Не все народы «прирастали» одинаково, существовали сильные диспропорции. За 250 лет представителей бурятского этноса стало в 10 раз больше, у остальных народов показатели скромнее. Численность аборигенов зависела от миграционных и ассимиляционных процессов, причем можно выделить не только внешнюю, но и внутреннюю ассимиляцию (поглощение одних коренных народов другими). Статистические данные опровергают информацию, которую по вопросу об освоении Сибири русскими людьми можно часто встретить в литературе областного направления. На самом деле соседство аборигенов с русскими способствовало повышению ряда их показателей, в том числе и демографических. Отдельные негативные

явления (голод, болезни) были объективными и с деятельностью имперских властей не связаны.

Одной из проблем социальной жизни Сибири в XIX в. являлась консервация такой формы внеэкономической эксплуатации как рабство. Она в основном касалась коренного населения. Впервые она была поднята сибирским историком П.А. Словцовым в его капитальном исследовании «Историческое обозрение Сибири» (СПб., 1886). Но он лишь попутно коснулся этого вопроса, рассматривая его в русле своей общей концепции роли и места Сибири в истории России. Словцов не пытался скрыть неприглядные стороны взаимоотношений русского и коренного населения, обнажая такие его проявления как произвол властей, насильственные методы завоевания коренных жителей, одним из следствий которых явились различные формы зависимости, в том числе и рабство. Однако он в отличие от областнического подхода не противопоставлял русское и коренное население Сибири, утверждая идею общности их исторических судеб.

Историки областнического направления (С.С. Шашков, Н.М. Ядринцев) напротив, акцентировали колониальный характер положения Сибири, развивая мысль о негативных социальных последствиях вхождения в состав России для коренного населения. Поэтому порабощение коренного населения русскими рассматривалось ими как закономерное проявление этого процесса. Шашков в своей статье «Рабство в Сибири», ставшей едва ли не первым специальным исследованием проблемы, исходил из представления о том, что русские в силу невысокого уровня развития, не могли осуществлять цивилизующую миссию по отношению к коренным народам Сибири^{xxxiv}. Что они могли дать им? Только то, что сами имели, а именно – утвердившееся в XVII в. крепостное рабство. В Сибири оно приобретает еще более грубые варварские формы, жертвами которых

становятся коренные народы. При этом историк не склонен видеть, тот очевидный факт, что рабство процветало среди народов Сибири еще до прихода русских. Оно было спутником кровопролитных войн между отдельными племенами, которые вели к прямому истреблению целых народов. Кроме того, он ошибочно считал, что порабощение коренного населения было частью колонизаторской политики государства, которое превращало сибирские народы в «государственных рабов», имея в виду распространение на них феодальных повинностей – ясака.

В советской литературе тема рабства в дореволюционной Сибири не стала самостоятельной, лишь попутно рассматриваясь в трудах обобщающего плана и специальных трудах, посвященных истории отдельных народов^{xxxiv}. Лишь в постсоветской историографии появились публикации по этой проблеме, однако в целом она еще далека от всестороннего охвата^{xxxiv}.

Ко времени прихода русских в Сибирь проживавшие здесь народы находились на различных стадиях патриархально-родовых отношений. Грабительские войны играли большую роль в разложении рода: они давали рабов, а рабство являлось фактором, содействовавшим социальной дифференциации. Так у обских угров налицо была значительная имущественная дифференциация, (ханты, манси, селькупы) выделялись богатые семьи, в хозяйстве которых использовался труд рабов – иноплеменников^{xxxiv}. Аналогичные процессы отмечаются у тюрских народов: бурятов, киргизов.

Были и иные способы сделать положение человека зависимым. У якутов существовал институт вскормленничества, т. е. воспитания сирот и детей неимущих родителей. Став взрослыми, вскормленники, должны были своим

трудом расплатиться за воспитание. Эта расплата длилась всю жизнь и передавалась по наследству детям. Хозяин мог продать своего вскормленника, распоряжаться им как имуществом. Коренные члены рода также не были равны между собой в имущественном, правовом и общественном положении. Самые маломощные в экономическом отношении «улусные мужики» жили у более зажиточных родственников («лутчих людей») в качестве «захребетников», «живущих подле» или «по свойству». На положении «захребетников» жили и подростки. Становясь взрослыми, они не выделялись из хозяйства старейшины, продолжая работать на последнего. В ясачных книгах встречаются записи о таких слоях в якутской общине: «Тегей Анкотонов Некодоев живет подле Амыкая Колтючеченова, кормица своей работою и скитаеца меж юрт около иных якутов»^{xxxiv}. В состав патриархальных семей эвенков входили не только кровные родственники, но и вскормленники^{xxxiv}.

Рабы выполняли домашние работы, ходили на охоту, убирали сено, иногда сопровождали хозяина в военных походах. Они могли заводить семью, имущество, в отдельных случаях скот и, главное, не они являлись основными производителями, таким образом, это было домашнее рабство.

Перейдя Урал, русские люди столкнулись в Сибири с коренным населением. Отношения пришлых и аборигенов не всегда носили мирный характер. В ходе вооруженных столкновений с аборигенами захватывались пленники, которые нередко обращались в рабов. Помимо плена источником распространения рабства являлась работорговля, которая вплоть до XIX в. носила вполне легальный характер. Значительные рынки рабов были в Тобольске, Тюмени и Томске. Приобретая здесь невольника, можно было вывезти его в Европейскую Россию. Чиновники, приезжавшие за Урал с визитами, охотно пользовались таким правом. В Енисейске сходились пути

работорговли из долины Енисея, Прибайкалья и Забайкалья. Служилые люди привозили сюда пленников-бурят и продавали их торговцам и промышленникам, которые также часто вывозили их в европейскую часть страны. Центральным пунктом для северо-восточных областей служил Якутск, куда привозили рабов из Охотска, Камчатки, Анадыря, Гижиги, с колымских зимовий^{xxxiv}. Цены на рабов и рабынь варьировались в зависимости от обстоятельств их приобретения, качеств и умений приобретаемых людей, возраста^{xxxiv}. Со второй половины столетия Джунгария становится главным источником рабов для Сибири. Формируется сеть маршрутов и ключевых пунктов, где продавался и покупался живой товар.

Получить невольника можно было не только в результате набегов и захвата в плен. Периодические неурожаи, голод, падеж скота только усиливали кабалу. Ее испытывали на себе и русское, и аборигенное население. Публицист и писатель Н. М. Ядринцев в книге «Сибирь как колония» сообщает, что для «инородцев» кабала часто принимала форму покручничества. Это означало, что человек после получения товара в долг становился зависимым от продавца, отрабатывая этот долг^{xxxiv}.

Постепенно экономическое закабаление становится главным источником рабской зависимости. Ядринцев приводит немало примеров, свидетельствующих о широко распространенной практике продажи в рабство инородцами членов общины. Случаи продажи родственников в рабство наблюдались, если род по причине бедности не мог прокормить членов общины. Тогда переход в зависимое положение у чужаков становился шансом избежать голодной смерти. Беженцы из Джунгарии в середине XVIII в. продавали или отдавали даром русским своих родственников, рабов и даже самих себя. Например, в 1756 г. урянхайские

старшины продали капитану фон Траубенбергу двух сирот из своего ведомства: мальчик и девочка поступили в личное услужение военного. Телецкий зайсан Менко подарил калмыцкого мальчика поручику Степанову также «по сиротству и неимению пропитания»^{xxxiv}. Встречались случаи насильственной отдачи детей в работу со стороны глав семей^{xxxiv}.

Известный публицист и общественный деятель С.С. Шашков приводит случаи обращения коренных сибиряков в сексуальное рабство. Иностранцы становились наложницами русских первопроходцев. Священники указывали на то, что русские в Сибири «отнимают у иностранцев их жен и дочерей и живут с ними, с некрещеными и невенчанными, как с женами»^{xxxiv}.

О том насколько распространенным было использование русским населением труда рабов, сообщал известный славянский общественный деятель, отбывавший в 1661-1676 гг. ссылку в Сибири, Ю. Крижанич. Он писал: «В Сибири нет ни одного человека, с какими бы то ни было средствами, который не имел бы одного или более рабов или рабынь из калмыков»^{xxxiv}.

Однако к использованию труда рабов прибегали не только частные лица. Широко практиковала порабощение иностранцев и Русская православная церковь. Крещение с самого начала стало служить инструментом порабощения аборигенов, поскольку «вошло в местный обычай, а потом и в закон, возвращать иностранцам только тех ясырей, которые не были крещены». Русские прибегали к прозелитизму, чтобы сделать невозможным освобождение новообращенных. В 1693 г. нерчинский казак Василий Хамун обращался к воеводе с челобитной, в которой говорилось, что крещенный другим казаком абориген должен поступить в Троицкий монастырь у устья Тунгуски. Воевода дал монастырю акт на владение мальчиком и в своем

заклучении написал: «...и вам тем парнем, Васьюкою, владеть по духовной и по сей памяти владеть вечно невозбранно»^{xxxiv}.

Объективный процесс социально-экономического развития России уже в середине XVII в. привел к окончательному утверждению крепостного права, законодательно закрепленного в Уложении 1649 г. Оно узаконило и холопство в Сибири. Согласно статье 118 главы XX Уложения крещение «холопа-иноверца» давало законное право на владение им даже тому, кто его похитил или приобрел насильственным образом. Закон предусматривал лишь два ограничения: холопов не дозволялось вывозить за пределы Сибири и их не должны были иметь ни приказные люди, ни воеводы. Церковь полностью использовала выгоды нового закона. За воровство, ослушание и побег игумен и миссионеры имели право «смирить и наказание чинить». Монастыри могли использовать вкладчиков и на других работах. Бурятских и монгольских женщин миссионеры покупали и после крещения выдавали замуж за монастырских людей. Причем количество аборигенов, приписанных к монастырям, постоянно увеличивалось. В 1723 г. среди крестьян и вкладчиков одного только Троицкого Селенгинского монастыря насчитывалось до 60 человек новообращенных^{xxxiv}.

Сферой использования труда зависимого коренного населения в основном являлось домашнее хозяйство. В земледельческом производстве или на промышленных предприятиях труд коренного населения практически не применялся в силу того, что оно к этому было совершенно не пригодно. Однако известны случаи, когда инородцы овладевали ремеслами, получали образование и фактически становились во главе дел своих хозяев. Так, красноярский старожил И.Ф. Парфентьев в своих воспоминаниях приводит пример некой Аграфены Ефимовны. Она происходила из крещенных киргизов и была еще девочкой куплена купцом Чебаковым. А

затем она перешла в услужение к известному владельцу стекольного завода И.И. Коновалову. Девушка была грамотной и, когда, как пишет Парфентьев «доказала себя», то Коновалов уполномочил Аграфену Ефимовну вести управление заводом и золотопромышленными делами^{xxxiv}. Она справлялась с этим даже успешнее хозяина, знала законы и сама составляла деловые бумаги. Иван Федорович помогал ей юридическими советами.

Как относилась государственная власть к порабощению коренного сибирского населения? Пыталось ли она запретить или ограничить рабство на восточной окраине государства? Ограничительные законы издавались еще в то время, когда самым распространенным способом получения невольников были разбой и грабежи. 26 декабря 1695 г. был издан указ, направленный на поддержание платежеспособности ясачных. За насилие, грабежи и убийства ясачных указ установил для воевод и сборщиков ясака уголовную ответственность вплоть до смертной казни. Но одновременно указ предусматривал, что воеводы должны организовать сбор ясака «с радением, перед прежними годами... с большою прибылью». Это практически сводило на нет действие тех правовых норм указа, в которых провозглашалась защита ясачного населения, и способствовало грабежу ясачных^{xxxiv}.

По мере распространения долгового рабства и кабалы появлялись законы, направленные на противодействие закрепощению аборигенов. Петр I по просьбе митрополита Филофея повелел освободить всех новокрещенных Березовского уезда, находившихся в кабальной зависимости. Проданных и перевезенных в другие места инородцев должны были найти и также освободить. Бывшим невольникам планировалось выдать паспорта. Было выяснено, что только в Березове имелось 50 закабаленных хантов обоего пола. Также во время первой подушной

переписи 1718-1724 гг. холопы, как русского, так и местного происхождения, на владение которыми русские жители Сибири имели законные права, были положены в подушный оклад (в 1719 г. их числилось 4097 душ мужского пола) и уравнены с крепостными крестьянами^{xxxiv}. Введение подушной подати, как известно, официально отменяло в России рабство, то есть состояние полной личной зависимости, не связанное с несением каких-либо государственных повинностей. Однако колонизация русскими южных территорий Сибири и усиление соприкосновения России с Джунгарией и с казахскими государственными образованиями вновь привели к активизации покупки рабов на границе. Императрица Анна Иоанновна в своем указе от 16 ноября 1737 г. узаконила это право: «Калмык и других наций, которые, как известно, крещены бывают и хозяевам достаются больше малолетние... позволяется всякому таких покупать, крестить и у себя без всякого платежа подушных денег, с одною запискою в губернских и воеводских канцеляриях»^{xxxiv}. Этим указом разрешалось покупать рабов у волжских калмыков (жителей вассального по отношению к России Калмыцкого ханства), а также подтверждено существовавшее в XVII в. право покупки рабов на границе с Джунгарией^{xxxiv}. Так вновь получила право на существование группа рабов, которые отличались от крепостных крестьян тем, что не были внесены в подушный оклад. Далее в указе говорилось: «А которые какому ремеслу собою обучились и собою жить могут и пожелают, тех записывать в цехи и положить в подушный оклад»^{xxxiv}. Эти слова можно понимать так: рабы, которые обучились какому-либо ремеслу, могут освободиться и должны становиться цеховыми ремесленниками. Однако неясно, необходимо ли в этом случае согласие владельца на освобождение, хотя при чтении текста указа складывается впечатление, что оно не нужно. Видимо, именно так поняли этот указ сами рабы, которые во время 2-й ревизии приходили к проводящим ревизию чиновникам и просились на

волю. Это стало поводом для издания указа от 12 мая 1744 г. Согласно ему рабов, закрепленных за хозяевами «по силе» указа 1737 г., которые «будут к ревизии приходить» и просить об освобождении без согласия владельцев, предписывалось телесно наказывать и возвращать хозяевам ^{xxxiv}. Так было «уточнено» юридическое положение купленных «калмыков». Предусматривалось только одно ограничение владения рабами: указ от 7 июля 1749 г. запрещал сибирским жителям, воеводам и приказным людям, служащим в Сибири, вывозить купленных ими рабов в Европейскую Россию, дабы обеспечить в Сибири «умножение народа». Подобный вывоз был разрешен лишь военным ^{xxxiv}. Ясачная комиссия секунд-майора Щербачева докладывала Сенату о том, что «оказались иноверцы ясачные, породы татарской, вывезенные разными случаями в малолетстве», крещенные и закрепленные за владельцами по указу 1737 г. под видом купленных из-за рубежа, и запрашивала Сенат, как поступить в том случае, если, по следствию, они «подлинно окажутся ясачными». Ответом на это стал указ от 12 февраля 1764 г., согласно которому законно приобретенных азиатов следовало «оставить за их владельцами по-прежнему». Если же у кого-либо обнаружатся в неволе «ясачные или их дети», тех велено освободить и записать в ясачный оклад ^{xxxiv}. Этот указ подвел черту под попытками порабощения коренных жителей Сибири, имевшими место в XVII-XVIII веках. Разрешая покупать из-за рубежа людей, которые не были подданными России, правительство стало категорически запрещать любые формы порабощения ясачных людей и их детей, даже еще не записанных в ясак. Власть не желала терять потенциальных налогоплательщиков.

После разгрома Джунгарии китайской империей Цинь казахские кочевники ловили толпы беженцев и продавали их в неволю, в том числе русским. Это вызвало появление указа 1757 г., ставшего главным основанием

сибирского рабства. Шашков и вслед за ним К.П. Михайлов полагали, что был еще указ 1756 г., принятый по ходатайству сибирского губернатора В.А. Мятлева. Он давал право купцам и сибирским бухарцам «крестить в неволю» купленных ими азиатов^{xxxiv}. Однако, как справедливо считает историк Мальцев, это один и тот же указ. Только он был подписан императрицей 19 ноября 1756 г. (так он датирован в Полном собрании законов Российской империи), а послан в Сибирь и, следовательно, вступил в силу 9 января 1757 года^{xxxiv}.

В основу указа легло представление в Сенат коллегии иностранных дел, созданное, в свою очередь, в ответ на представление Мятлева в эту коллегию. Согласно этому закону, «по недостатку в Сибири таких людей, которым по указам крепостных людей иметь велено» (потомственных дворян), право покупать и выменивать «привозимых Киргиз-Кайсаками разных наций пленников» предоставлено «всякаго звания людям», то есть оно распространялось не только на дворян, но и на купцов, разночинцев, казаков и посадских людей. Сибирским мусульманам разрешалось приобретать рабов только своего вероисповедания. В соответствии с этим указом рабы должны были оставаться у своих покупателей до самой смерти. О том, что это положение соблюдалось, можно судить из указов 1819 и 1825 гг.^{xxxiv} Рабы отличались от крепостных крестьян тем, что их не следовало записывать в подушный оклад, и они не должны были поставлять рекрутов в армию (хотя хозяева по своему желанию могли сдавать их в рекруты). Дети же рабов, согласно этому закону, должны были записываться в подушный оклад – они могли приписаться к городским сословиям или к государственным крестьянам (если их родители находились в рабстве у недворян) или становились крепостными у владельцев своих родителей (если их родители были рабами дворян). И. А. Мальцев делает на основании

этого вывод, что, в отличие от XVII в., легальное рабство в XVIII в. не было наследственным. Рабов разрешалось перепродавать только дворянам (лицам, имеющим право на владение крепостными). Однако это правило плохо соблюдалось, и, как видно из указа 1825 г., фактически рабов продавали всем^{xxxiv}.

Постепенно правительство начинает проводить политику, направленную на ограничение рабства. В 1808 г. вышел именной указ, по которому казахам запрещалось продавать детей хивинцам, но дозволялось «всем российским подданным свободных состояний» покупать и выменивать на пограничной линии детей казахов с тем условием, чтобы они по достижении 25-летнего возраста получали свободу^{xxxiv}. Указ 1808 г. распространялся только на детей казахов, приобретенных после его принятия, в то время как казахи продолжали продавать и отдавать в уплату долгов также калмыков и представителей других народов. Поэтому правительство пошло дальше в деле освобождения рабов. В 1819 г. указ об освобождении по достижении 25-летнего возраста был распространен на вновь приобретаемых рабов всех национальностей, а в 1825 г. и окончательно в 1828 г. на всех невольников, приобретенных с 23 мая 1808 г. Покупка новых рабов запрещалась. Однако рабы, приобретенные дворянами до 23 мая 1808 г., продолжали оставаться в неволе пожизненно, а приобретенные недворянами – до смерти хозяина. Их количество было крайне незначительным. Большая часть рабов была освобождена либо сразу в результате указов 1825 и 1828 гг., либо по достижении 25-летнего возраста. Тем не менее, торговля людьми продолжалась, несмотря на законодательные запреты. Взятки открывали кордоны, рабов транспортировали окольными дорогами и живой товар перевозился как по Сибири, так и по Европейской России. Рабов отбирали только у тех, кто был в плохих отношениях с конкретными представителями

власти или не давал взятки. Чиновники теряли рабов, только если попадали в царскую опалу. Если запрет касался приобретения, скажем, хантов и манси, ушлые торговцы переходили к торговле пленниками других национальностей^{xxxiv}.

Важно иметь в виду, что все нормы не были гарантированы. Изложенные в правовых актах непоследовательно и неопределенно, они по существу были чисто декларативными и потому почти не исполнялись^{xxxiv}. В итоге правительство отказалось от бесплодных усилий уничтожить кабальное рабство и фактически признало существование рабовладения.

Таким образом, проанализировав указанный круг материалов, можно сделать следующие выводы. Многим народам Сибири рабство было известно задолго до прихода русских в регион. С включением Сибири в состав Российского государства этот социальный феномен не исчез, но приобрел новые черты: в роли хозяев все чаще стали выступать русские люди. В XVII – XIX вв. усиливается значение экономических факторов рабства. Государство пыталось ограничить распространение различных форм рабства в Сибири, но в действительности законы обходились и ко второй половине XIX в. оно всё еще оставалось частью сибирской жизни.

2.2. Культурно-религиозная политика

Актуальность темы христианизации аборигенов Сибири объясняется возрождением интереса к религии в нашей стране, которая стала признаваться важным фактором в формировании национального

самосознания множества народов. По мере вхождения сибирских территорий в состав России царская администрация укреплялась на новых рубежах. Одновременно разворачивала свою деятельность в Сибири и православная церковь.

Распространение православия правительство рассматривало как один из главных путей воспитания у иноверцев верноподданнических чувств. С этой целью расширялась сеть церквей и монастырей в регионе. Например, в 1664 г. в Якутске началось сооружение Спасского монастыря, в 1665 г. – в Киренске Троицкого, в 1652 г. – Спасской церкви в Иркутске, в 1672 г. – иркутского Вознесенского монастыря. В 1671 г. на берегу Амура были основаны Албазинский и Кумаринский монастыри^{xxxiv}. В то же время царское законодательство провозглашало и принцип терпимости к религиозным воззрениям аборигенов – право отправлять свои богослужения, но не пропагандировать их. Это право нашло отражение в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. Статья 286-я Устава позволяла коренным жителям Сибири «отправлять богослужение по их законам и обычаям». Земскому начальству запрещалось преследовать «инородцев за их языческую религию» (ст. 287-я)^{xxxiv}.

На ранних этапах колониционного движения на Восток правительственные указы предписывали священнослужителям «крайне прилежать» в проповеди слова Божия на зависимых территориях. В июне 1819 г. обер-прокурор Синода князь А. Н. Голицын писал в Иркутск М. М. Сперанскому, что «его императорскому величеству крайне нежелательно, дабы наиболее обращено было внимание на введение и ускорение в Сибири правил к христианству всеми теми способами, какие только при каждом случае удобными представятся». Николай I также в 1848 г. предписал министру государственных имуществ П. Д. Киселеву оказывать со своей

стороны содействие «духовному ведомству всеми зависящими» от него мерами «к облегчению действия миссионеров и других духовных лиц»^{xxxiv}.

Начало христианизации народов северо-западной Сибири относится к XVII в., однако, наиболее интенсивно новая религия начала распространяться здесь в XVIII в. Правительственные указы XVII в. запрещали массовое крещение хантов, манси, ненцев, селькупов. Северные районы Сибири еще не были органической частью Российского государства. Правительство боялось потерять такой важный источник доходов, как ясачные платежи, к чему могли привести поспешные действия по обращению аборигенов в православие. К XVIII в. позиции России в Северном Приобье достаточно упрочились. Власти сочли возможным приступить к идейному закреплению политических успехов по присоединению обширного края. Первопроходцем в деле христианизации местных аборигенов стал Филофей Лещинский – энергичный миссионер, получивший образование в Киевской духовной академии. Им была открыта духовная школа при архиерейском доме в Тобольске, созданы миссионерские школы при Верхотурском и Кондинском монастырях. Непосредственное участие этого человека в миссионерских экспедициях в немалой степени обеспечивало их успех^{xxxiv}. Однако в целом даже формальное обращение в православие ненцев и большей части обдорских хантов так и не удалось.

В 1789 г. постановлением Сената действия миссионеров в Северном Приобье вообще были приостановлены. Причиной послужили волнения среди европейских ненцев «по случаю разнесшагося между ними слуха, что их хотят крестить насильно». В 1799 г. Синод обратился к Сенату с вопросом, можно ли теперь посылать в селения аборигенов «особых проповедников» по предварительному соглашению со светскими властями. Сенат ответил отказом. Вплоть до 1826 г. на севере Березовского края почти не было

случаев обращения язычников в христианство. В конце второго десятилетия XIX в. на данной территории проживало 1158 ревизских душ некрещеных хантов и 2398 – ненцев-«идолопоклонников». 1826 год ознаменовался возобновлением идей прозелитизма в Обдорском крае. Прибывший для управления епархией архиепископ Евгений Казанцев (1826-1831 гг.) утверждал, что отправится в стойбища хантов и манси ради преподавания русского языка и закона Божия, однако в действительности никакого подвижничества не проявил. И все же он подал ходатайство в Синод об учреждении специальной миссии в Обдорске. 15 декабря 1828 г. царь утвердил постановление об открытии обдорской миссии^{xxxiv}. Но Казанцеву так и не удалось открыть миссию в Обдорске из-за недостатка проповедников. Сделал это в 1832 г. архиепископ Афанасий. Вместе с двумя помощниками они начали работу среди местного населения. Деятельность этих священнослужителей не была очень плодотворной. Аборигены опасались насильственного крещения и были настроены враждебно. Князец Матвей Тайшин, контролировавший территорию, на словах показывал преданность русскому императору, но на самом деле запрещал рядовым родовичам приходить в миссию. В итоге в православие здесь удалось обратить всего 17 человек. Миссия официально была закрыта в 1836 г., хотя фактически прекратила свою работу тремя годами ранее^{xxxiv}.

Новый этап миссионерства на северо-западе Сибири начинается в 1840-х гг. С 1843 г. Кондинский Троицкий монастырь был превращен в миссионерский – настоятель и члены миссии должны были не только заботиться о крещении язычников, но и «утверждать в вере» новообращенных. Эти лица предпринимали поездки по юртам, совершали богослужения в походной церкви, разъясняли основы веры. В 1846 г. архиепископ Георгий отправился из Тобольска для обозрения Березовского

уезда, некоторое время жил в Обдорске, где знакомился с положением религиозных дел. Вернувшись в Тобольск, иерарх сразу командировал в Обдорск священника Петра Попова, только что окончившего семинарию. В первый же год своего пребывания в Обдорске Попов организовал там и содержал за свой счет школу, которая впоследствии «служила интересам учащихся инородцев». Тем не менее деятельность по христианизации народов Нижнего Приобья не дала ожидаемых результатов и в эти годы. Если в 1834 г. в Северо-Западной Сибири язычниками числились 5124 человека обоего пола, то к середине XIX в. их число сократилось лишь до 4879 человек. Подавляющая часть ненцев и значительный процент обдорских хантов даже формально продолжали исповедовать прежние традиционные верования^{xxxiv}.

В районе Алтая на ниве просветительства подвизался архимандрит Макарий Глухарев. Именно его архиепископ Казанцев планировал отправить в Обдорск, но тот отказался принять предложение, сославшись на холодный северный климат и слабое здоровье^{xxxiv}. В журнале Главного управления Западной Сибири сохранилась выписка, из которой становится ясно, что в некоторых случаях аборигены получали за крещение куда большие послабления, нежели освобождение от податей на три года. Документ, датированный 1835-м годом, гласит, что калмык из Бийского округа Тобыш Картабаев, нареченный Герасимом, освобождался правительством от уплаты всех податей и повинностей на десять лет, а также получил единовременное пособие в размере 50 рублей на поддержание хозяйства. Также новокрещенный просил власти освободить его двухлетнего сына Федота от уплаты ясака на три года после достижения последним совершеннолетия^{xxxiv}. Данный случай позволяет понять, насколько Российское государство могло быть гибким в деле привлечения коренного населения на свою сторону в

ключевых для себя регионах. Этим можно объяснить также быстрый переход в новую религию населения некоторых бедных районов.

Насаждение христианской веры среди ясачных Восточной Сибири практически началось с учреждения 15 января 1727 г. самостоятельной епархии в Иркутске и связано с именем первого иркутского епископа Иннокентия Кульчицкого, прославленного русской церковью в качестве первого святого и чудотворца Сибири. Иркутская епархия принимала меры для активизации миссионерской деятельности, усиления работы монастырей и церквей, организации экспедиций священнослужителей, подготовки кадров священников. Уже при первом епископе в Иркутске работали две каменных церкви и пять деревянных. Кроме того, в Прибайкалье имелось пять церквей. В Вознесенском монастыре Иркутска епископ организовал обучение детей церковнославянскому и русскому языкам.

В последующие годы строительство церквей по всей Восточной Сибири проводилось еще более интенсивно. Церкви были возведены в Якутске, Сунтарах, Жиганске, Покровске, Олекминске, Вилюйске, Борогонцах.

Массовое крещение ясачных, законодательно провозглашенное в начале XVIII в. в качестве официальной политики абсолютной монархии, заставило царский режим принимать в последующие годы правовые акты, направленные на юридическое обслуживание процесса христианизации народов Сибири. В них нашли свое законодательное закрепление основные вопросы, связанные с практическими мероприятиями по распространению христианской веры. В их числе были вопросы строительства церквей, монастырей, организации духовных школ, семинарий, обеспечения деятельности духовных миссий и священников-проповедников непосредственно в районах обитания аборигенов, установления льгот для

новокрещенных с целью популяризировать принятие христианства, обучения неофитов и их детей православию^{xxxiv}.

Ко второй половине XVIII столетия вопросы практической организации христианской проповеди среди ясачных народов и народностей Восточной Сибири, в основном, были законодательно разрешены. К тому времени в Сибири уже была создана необходимая база для православия, духовные центры со своими кадрами священнослужителей.

Подобные результаты позволили правительству и церкви перейти к более интенсивному крещению язычников. Начало такого перехода было, по-видимому, сознательно приурочено к периоду проведения первой сибирской ясачной реформы в 1760-х годах. Практически это означало дальнейшее расширение проповеди христианства, усиление организаторской деятельности церковных и государственных властей по подготовке кадров священнослужителей, обучение детей аборигенов христианскому вероучению, перевод церковных книг на языки местных народов, развертывание строительства церквей и расширение их материальной базы. Согласно отчету генерал-губернатора за 1830 г., в Восточной Сибири, кроме четырех монастырей, действовало 275 церквей, 438 часовен и 48 богаделен, в том числе в Иркутской губернии – 171 церковь, 256 часовен, в Енисейской – 89 церквей и 168 часовен, в Якутской области, не считая городских, - 15 церквей и 10 часовен^{xxxiv}.

В 1861 г. императорским указом была создана Енисейская епархия. На момент образования она объединяла 170 приходов, в которых в общей сложности проживало 295,5 тысяч человек. В ее состав входили Красноярский, Канский, Ачинский, Минусинский, Енисейский уезды и Туруханский край, в результате чего епархия и губерния имели одинаковые

границы. Активное миссионерство русских людей в Приенисейском крае началось с освоением территории в XVI в. Миссия в Енисейской епархии имела противоязыческие, противораскольничьи и антисектантские функции. В феврале 1871 г. был основан Епархиальный комитет Православного Миссионерского общества, председателем которого стал епископ Павел Попов. Общество финансировалось из добровольных пожертвований своих членов. Число миссионерских приходов по состоянию на 1884 год составляло 12, из которых пять располагались в Туруханском крае. Именно там миссии действовали наиболее активно. От казны духовенство получало дом, продукты и жалованье. Но проповеди проходили только зимой, когда была возможность передвигаться по дорогам, и туземцы жили оседло. Остальные девять месяцев в году миссионеры не исполняли своих обязанностей. В 1873 г. туруханскую миссию упразднили и, сформировав в этом крае самостоятельное благочиние, стали создавать православные приходы, которые должны были действовать постоянно. В них служили не миссионеры, а обычные священники. К 1893 г. Туруханское благочиние объединяло шесть приходов: Дудинский, Хатангский, Тазовский, Верхнеинбатский, Туруханский и Ессейский^{xxxiv}.

Всесторонние усилия, направленные на распространение христианства в Восточной Сибири, давали свои реальные плоды. Если по данным третьей ревизии (1767 г.) в Якутске насчитывалось всего 6003 крещенных «инородца», то А. П. Величко, занимавший должность члена комиссии по составлению проекта «Свода степных законов инородцев Восточной Сибири», в записке, представленной Сибирскому комитету в начале 1830-х гг., писал, что за исключением 485 мужчин и 503 женщин все якуты обращены в православие. Это означает, что основная масса якутов успела воспринять христианство в течение всего 50-60 лет. Крещение имело

большой успех и в Енисейской губернии. По данным 1823 г. из 29300 лиц обоего пола, ведущих кочевую и бродячую жизнь, 15570 человек уже исповедовали христианскую веру^{xxxiv}. В отдельных местностях переход к новой религии совершался очень интенсивно. Например, в Минусинском уезде в 1889 г. было пять миссионерских приходов. К этому периоду относились случаи массового крещения коренных жителей. Самый известный из них произошел в 1876 г. в Аскизском приходе. Учитель и письмоводитель Сагайской степной думы Е. С. Катанов, узнав о планировавшейся поездке енисейского епископа Антония по местным приходам, решил приурочить к этому событию массовое крещение соплеменников. По указанию его и родоначальника думы А. Кызласова все некрещеные хакасы их ведомства должны были прибыть в Аскиз. Всего на место явилось более трех тысяч человек. 15 июля епископ провел массовое крещение. За проявленную инициативу Е. Катанов получил в 1878 г. медаль «За усердие», а в 1879 г. – орден «Св. Анны» 3-й степени. В ходе миссионерской деятельности к концу XIX в. практически все коренные жители Минусинского уезда были крещены^{xxxiv}.

Хотя уже в первой четверти XIX в. более половины коренного населения Восточной Сибири приняло христианство, его распространение не было равномерным. А. П. Величко в упомянутой записке приводит следующие данные о численности кочевых аборигенов-мужчин по их религиозной принадлежности. Среди бурят православных насчитывалось 5680 чел., из них в Иркутском округе – 2957, в Верхнеудинском – 2723 человека. В среде эвенков Нерчинского округа православие исповедывали 2925 человека. Тюрки Ачинского и Минусинского округов Енисейской губернии имели в своих рядах 9955 православных. Из общего числа якутов

мужского пола (76918 человек) только 485 оставались шаманистами, все остальные являлись христианами восточного толка^{xxxiv}.

Еще более скромными были результаты христианизации в Туруханском крае. В южных уездах Енисейской губернии основная масса «инородцев» все-таки была просвещена святым крещением, на севере же половина кочевников пребывала в состоянии язычества. Роды эвенков, хантов, якутов состояли как из православных родичей, так и из анимистов и шаманистов. Православие не смогло окончательно вытеснить местные религиозные культы. Многие историки считают, что христианизация здесь была поверхностной и привела лишь к феномену двоеверия^{xxxiv}. Многие коренные жители поверхностно относились к принятию крещения и забывали данные им церковные имена. В 1893 г. во время поездки священника Тазовской Николаевской церкви на озеро Ессей ему встретилось семейство, глава которого не помнил, крещен он или нет^{xxxiv}.

Правительство предпринимало новые попытки христианизации дальневосточных народов, пытаясь исправить неудачи на предыдущих этапах миссионерства. В связи с этим ускорялись темпы церковного строительства, происходили изменения в направлениях деятельности церкви. Во второй половине XIX в. на Дальнем Востоке учреждено несколько духовных миссий: в 1856 г. в Приамурье, в 1870 г. в Якутской епархии, в 1879 г. на Чукотке. Появились новые епархии – Благовещенская и Владивостокская. Предпринимались, как и ранее, попытки поставить на службу церкви народное образование. Миссионерами создавались школы, в которых наряду с Законом Божьим преподавались русский язык, чтение, арифметика. На некоторые языки народов Дальнего Востока переводились буквари и молитвенники. Отдельно взятые миссионеры прилагали много

усилий для привлечения аборигенов к более совершенным, нежели их традиционные, формам быта, хозяйства и культуры^{xxxiv}.

Все вышеуказанные меры способствовали распространению православия. К 1863 г. было обращено в христианство почти все население территорий, примыкавших к реке Амгунь, с 1866 г. стали принимать православие нанайцы и нивхи. Ускорила христианизация эвенков, эвенов, юкагиров, камчадалов. В отличие от XVIII в. и первой половины XIX столетия крещение в этот период происходило в основном на добровольных началах. И все-таки для многих представителей этих этносов идеи христианства не были главными и определяющими их образ жизни. Значительное их число числилось православными лишь формально. В то же время среди бурят, забайкальских эвенков, тазов и части нанайцев в определенной степени получили распространение ламаизм и конфуцианство^{xxxiv}.

Крайне непростой была ситуация с распространением новой веры на Чукотке. Этнограф В. Г. Богораз писал, что первые попытки крещения чукчей, по всей вероятности, были сделаны во время первых контактов русских людей и «чукоч». Первая часовня была сооружена в Анюйской крепости. Чукчи посещали часовню в периоды ярмарок, куда к тому времени прибывали и миссионеры, деятельность которых почти не оставила никаких следов. Они не знали чукотского языка, действовали через местных переводчиков, которые, как и чукчи, не понимали основ христианской религии. Еще участник экспедиции Врангеля Ф. Матюшкин свидетельствовал, что коренное население края крестилось из желания иметь табак, нож, кошель или бисер «один раз, два, три и более, не понимая святость обряда сего»^{xxxiv}.

В 1848 г. по настоянию архиепископа Нила была сооружена небольшая церковь на северном побережье у устья Большой реки (она же Большая Бараниха). Священником был назначен А. Аргентов. Он жил среди чукчей в течение 15 лет, однако не смог обратить в христианскую веру ни одного из них. В своих воспоминаниях Аргентов подчеркивал, что проповеди новой религии были очень затруднительными для русского миссионера. В конце XIX в. совершил путешествие по чукотским стойбищам миссионер Венедикт. Он путешествовал около двух лет, последовательно посетил все чукотские поселки на побережье моря, но, перенеся много лишений и тягот, едва ли сумел хоть что-нибудь сделать для распространения христианства в тундре. Венедикт ни слова не знал по-чукотски, а русская женщина, знавшая чукотский язык и взятая им в качестве переводчика, сбежала от него.

В последующие годы на Чукотку был послан целый ряд духовных лиц, но ни одно из них не оставило после себя следов христианизации среди чукчей, а эскимосы вообще были далеко от этого. Не имела успеха христианизация и на Анадыре. В 1839 г. в поселке Крепость была возведена часовня. Живший там священник неоднократно выезжал летом в устье Анадыря, куда перекочевывали чукчи. В 1847 г. он сообщал в Камчатскую епископию, что со времени открытия Анадырской миссии «чук окрестилось 151 душа»^{xxxiv}.

Христианство не оставило никаких следов среди чукчей, хотя формально несколько десятков из них числилось христианами. В 1905 г. один из уездных начальников сообщал: «Распространение христианства среди прианадырских чукчей идет весьма медленно и не имеет никаких устоев, кроме обрядовой стороны крещения». Азиатских эскимосов христианизация не коснулась совсем.

Несколько иначе обстояло дело среди чуванцев, юкагиров и эвенов. Эвены, появившиеся на Чукотке в XIX в., прошли через более длительный период христианизации. Они восприняли русскую веру, соблюдая при этом и языческие обряды, стали носить православные имена и фамилии, сделали иконы необходимым элементом своих жилищ. Жившие смежно с русскими чуванцы и юкагиры также приняли православие. С другой стороны, некоторые черты верований и быта коренных народностей были восприняты русскими старожилами^{xxxiv}.

Картина религиозной жизни аборигенов будет неполной, если не сказать о ренессансе их традиционных верований в условиях христианизации и длительных контактов с русскими. Одним из самых ярких примеров подобного движения стал бурханизм на Алтае. Он возник как ответ на образ жизни шаманов, поскольку обращение к ним стало разорительным для рядовых алтай-кижи. Поводом для возмущения народа стало также массовое переселение русских крестьян в степные районы Сибири. Еще одним фактором, ускорившим национализм алтайцев, стало «утеснение» со стороны миссионеров. Они ставили кресты вокруг стойбищ неопитов и запрещали некрещеным селиться вблизи этих мест. В итоге местный харизматический лидер Чет Челпан и его воспитанница Чегул в 1904 г. начали пропагандировать среди соплеменников новое учение. Суть новой веры сводилась к монотеизму взамен поклонения многим духам, призыву доброго духа посредством новой молитвы и упрощению обрядности. Селение Чета сразу стало местом паломничества, и его учение распространилось по Алтаю. Сам он не считал себя пророком. Российские власти увидели в бурханизме политический подтекст и арестовали несколько человек, включая самого Челпана. Однако большинство алтайцев к тому времени приняли «белую веру». Сам основатель признавал, что упрощение

и внешняя примитивность обрядов носит практическое значение, поскольку позволяет экономить средства: «лошадей не колем, шаманам не платим»^{xxxiv}.

Таким образом, в социокультурной политике правительства в отношении сибирских аборигенов в XIX – XX вв. прослеживаются следующие черты. Государство стремилось ограничить хождение рабства в Сибири, которое представляло собой пережиток общественных отношений. Уже в XIX в. был издан ряд законов, направленных на постепенное освобождение зависимых, однако законы на практике часто игнорировались и рабство продолжало существовать. Христианизация была более последовательной, нежели акты, направленные на борьбу с невольничеством, поскольку имела целью включить в систему империи как можно большее число налогоплательщиков. Местности делились на приходы, куда отправляли миссионеров. Представители коренного населения часто переходили в православие ради различного рода преференций. Серьезной проблемой в деле миссионерства были труднодоступные районы. В местах с благоприятными условиями и постоянным присутствием русских коренное население перешло в новую веру раньше, взаимопроникновение культур здесь было глубже. На отдаленных северных территориях христианизация затрагивала меньшее количество аборигенов и часто была формальной. Демографическая политика как таковая в Российской империи отсутствовала, однако постоянные контакты аборигенов с русскими сглаживали негативное влияние таких явлений, как голод и эпидемии, на коренное население. Некоторые этносы за время пребывания в составе Русского государства продемонстрировали значительное увеличение численности (якуты, буряты и др.). Прочие народы довольствовались более скромными результатами.

- xxxiv Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии // Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 27.
- xxxiv Там же.
- xxxiv Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 560 с. С. 138.
- xxxiv Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб., 1903. С. 5, 76, 77, 250.
- xxxiv Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 560 с. С. 138.
- xxxiv Долгих Б. О. Родовой и племенной строй народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 62¹.
- xxxiv Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 168-169.
- xxxiv Скобелев С. Г. Ассимиляционные процессы в Сибири и их влияние на динамику численности коренного населения в XVII – XIX вв. // Россия и Восток: археология и этническая история. Омск, 1997.
- xxxiv Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. – СПб., тип. «Слово», 1906. Ч. 1. Вып. 2. – 175 с. С. 48.
- xxxiv Скобелев С. Г. Демографические процессы у коренного населения Средней Сибири в XVII – XIX вв. // Этносы Сибири. История и современность. Красноярск, 1994.
- xxxiv Он же. Енисейские кыргызы в Восточной Азии // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. СПб., 1993; Скобелев С. Г. Позднесредневековые археологические памятники енисейских кыргызов и демографическая ситуация на Среднем Енисее в послемонгольское время // Вопросы военного дела и демография Сибири в эпоху Средневековья. Новосибирск, 2001.
- xxxiv Он же. Система управления коренными народами Сибири в XVII – XX вв. (характер и общие принципы) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XX веков. Новосибирск, 1999.
- xxxiv Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII – XX вв.: колебания численности и их причины. Новосибирск, 1998.
- xxxiv Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 560 с. С. 140-141.
- xxxiv Там же. С. 139-140.
- xxxiv Шашков С. С. Исторические этюды. Т.2. СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1872.
- xxxiv История Якутской АССР. Т.2. Якутия от 1630-х гг. до 1917 г. М.: Изд-во АН СССР, 1957; История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, 1968. Т.2; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982; Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1978.
- xxxiv Мальцев И. А. Легальное рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой пол. XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 3; Мальцев И. А. Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой пол. XIX вв.: автореф. дис. ... к.и.н.: 07.00.02 / Мальцев Илья Александрович; СПб., ИИ РАН. СПб., 2009.
- xxxiv История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 2. С. 95.
- xxxiv История Якутской АССР. Якутия от 1630-х гг. до 1917 г. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. С. 21-22.
- xxxiv История Сибири с древнейших времен до наших дней, т. 2. С. 98.
- xxxiv Шашков С. С. Исторические этюды, т. 2. С. 117-118.
- xxxiv Там же. С. 100-102, 143.
- xxxiv Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 560 с. С. 297-298.
- xxxiv Шашков С. С. Исторические этюды, с. 141.
- xxxiv Ядринцев Н. М. Сибирь как колония, с. 323.
- xxxiv Шашков С. С. Исторические этюды, с. 141.
- xxxiv Крижанич Ю. История о Сибири // Сибирь в XVII столетии. Сост. А. Титов. М., 1890. С. 186.
- xxxiv Шашков С. С. Исторические этюды, с. 113-114.
- xxxiv Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX вв.). Якутск: Кн. изд-во, 1978. С. 82, 83-84.
- xxxiv ККМ. О/Ф. № 7886/231. Воспоминания И. Ф. Парфентьева.
- xxxiv Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.), с. 31.
- xxxiv Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 246.
- xxxiv ПСЗ-1, т.9, № 7438, с. 351-352.
- xxxiv Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 176.
- xxxiv Там же.
- xxxiv ПСЗ-1, т. 12, № 8941, с. 112-113.
- xxxiv ПСЗ-1, т. 13, № 9626, с. 75-76.
- xxxiv ПСЗ-1, т. 16, № 12041, с. 533.
- xxxiv Шашков С. С. Исторические этюды, с. 98.
- xxxiv Мальцев И. А. Легальное рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой пол. XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 3. С. 74.
- xxxiv ПСЗ-1, т. 36, № 27782, с. 156; т.40, № 30528, с. 521.
- xxxiv Мальцев И. А. Легальное рабство в Сибири..., с. 74.
- xxxiv ПСЗ-1, т. 30, № 23038.

-
- xxxiv Пашков С. С. Исторические этюды, с. 119-120.
- xxxiv Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.), с. 55.
- xxxiv Там же. С. 81.
- xxxiv ПСЗ.1, т. 24, № 29126, §286, 287.
- xxxiv Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – нач. XX вв.). Иркутск, 1986. С. 140.
- xxxiv Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой пол. XIX вв. Новосибирск: Наука, 1975. С. 263-264.
- xxxiv Там же. С. 266-267.
- xxxiv Там же. С. 267-268.
- xxxiv Там же. С. 270.
- xxxiv Там же. С. 267.
- xxxiv История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – нач. XX в. – Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1991. – 352 с. С. 160-161.
- xxxiv Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири..., с. 90-92.
- xxxiv Там же. С. 92.
- xxxiv Терскова А. А. Миссионерская деятельность в Енисейской губернии // Патриотическое служение и православное воспитание. Шестые рождественские образовательные чтения в Красноярске. Красноярск, 2005. С. 67-69.
- xxxiv Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири..., с. 93-94.
- xxxiv Хоменко Д. Ю. Задачи христианизации коренного населения Енисейской губернии во второй пол. XIX – нач. XX вв. // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории: VII краеведческие чтения. Красноярск: ГУНБ, 2012. С. 29-37.
- xxxiv Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири..., с. 94.
- xxxiv Терскова А. А. Миссионерская деятельность..., с. 69.
- xxxiv Хоменко Д. Ю. Задачи христианизации коренного населения Енисейской губернии во второй пол. XIX – нач. XX вв. // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории: VII краеведческие чтения. Красноярск: ГУНБ, 2012. С. 34.
- xxxiv История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1990. – 471 с., ил. С. 394.
- xxxiv Там же. С. 394-395.
- xxxiv История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под рук. и общ. науч. ред. Н. Н. Дикова. – М.: Мысль, 1989. – 492 (1) с., [16] л. ил., карт. С. 120.
- xxxiv Там же. С. 120-121.
- xxxiv Там же. С. 121-122.
- xxxiv Семенов А. Религиозный перелом на Алтае // Сибирский архив. № 9-11. 1913. С. 388-397.

Заключение

Изучив ряд опубликованных источников и литературу по данной теме, я пришел к выводу, что политика Российского государства в отношении аборигенов Сибири на протяжении XIX в. проводилась по следующим направлениям: регламентация административно-территориального устройства, землеустройство, фиск, христианизация. Эта политика не была статичной, а следовала требованиям времени. На первом этапе проводилась консервация принятых общественных отношений и хозяйственного уклада, власти не препятствовали отправлению традиционных языческих культов. Устав закреплял особое положение коренных жителей, понятие «инородец» означало скорее социальный, нежели этнический статус. Однако следующим шагом правительства стал переход от патернализма к гражданскому обществу, стало наблюдаться стремление к унификации статуса аборигенного и русского населения. Был введен институт крестьянских начальников по образцу Европейской России, а также начались землеустроительные работы, в ходе которых часть земель аборигенов передавалась переселенцам из центра страны. Была выяснена такая особенность землеустройства: власти вынуждены были оттягивать процедуру, поскольку опасались выступлений коренного населения. Основной характеристикой фискальной политики является то, что ясак оставался преимущественной формой налогообложения аборигенов со времени их присоединения к России. Постепенно натуральный ясак заменялся денежным, и в конце XIX в. власти делают попытку заменить его поземельной податью. Однако из-за незавершенности этой реформы большинство коренных народов к 1917 г. продолжало вносить ясак в денежной форме. Несмотря на отсутствие социальной политики как таковой, еще до XIX – начала XX вв. существовала тенденция увеличения коренного населения при сильных колебаниях этого показателя в отдельные периоды. В культурно-религиозном плане правительство, наоборот, проводило последовательную политику, направленную на обращение аборигенов Сибири в православие. Этому процессу способствовала миссионерская деятельность монастырей и отдельных священников. Из-за ряда факторов успехи христианизации на севере и юге региона были неодинаковыми, равно как и глубина усвоенных верований. В целом, в местах плотных контактов с русскими людьми коренные народы имели более высокие социально-экономические и культурные показатели, нежели их изолированные собратья на северных отдаленных территориях.

Приложение. Список литературы и источников.

1. Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии // Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955.
2. Дамешек Л. М. Аграрная политика правительства и народы Сибири на рубеже XIX – XX вв. // Дуловские чтения 1997 г. (секция истории). Иркутск, 1998. С. 64-67.
3. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986.
4. Дамешек Л. М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX в.: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 303 с.
5. Долгих Б. О. Родовой и племенной строй народов Сибири в XVII в. М., 1960.
6. Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. М., 1956.
7. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – нач. XX в. – Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1991. – 352 с.
8. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1990. – 471 с., ил.
9. История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 т.). Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. – 540 с.
10. История Сибири (в 5 т.). Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма (1861 – 1917). Новосибирск: Наука, 1965. – 190 с.
11. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под рук. и общ. науч. ред. Н. Н. Дикова. – М.: Мысль, 1989. – 492 (1) с., [16] л. ил., карт.
12. История Якутской АССР. Т. 2. Якутия от 1630-х гг. до 1917 г. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 420 с.
13. ККМ. О/Ф. № 7886/231. Воспоминания И. Ф. Парфентьева.

-
14. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск: Наука, 1983. – 400 с.
 15. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск, 1982.
 16. Крижанич Ю. История о Сибири // Сибирь в XVII столетии. Сост. А. Титов. М., 1890.
 17. Мальцев И. А. Легальное рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой пол. XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 3.
 18. Мальцев И. А. Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой пол. XIX вв.: автореф. дис. ... к.и.н.: 07.00.02 / Мальцев Илья Александрович; СПб., ИИ РАН. СПб., 2009.
 19. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Иркутск: Тип. штаба Иркутского военного округа, 1894. Т.4, вып. 3, 4. 227 с.
 20. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой пол. XIX в. Новосибирск: Наука, 1975.
 21. Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб., 1903.
 22. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.
 23. Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. – 416 с.
 24. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. – СПб., тип. «Слово», 1906. Ч. 1. Вып. 2. – 175 с.
 25. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1.
 26. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Веб-сайт: www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
 27. Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. СПб., 1899.

-
28. Семенов А. Религиозный перелом на Алтае // Сибирский архив. № 9. 11. 1913. С. 388-397.
 29. Скобелев С. Г. Ассимиляционные процессы в Сибири и их влияние на динамику численности коренного населения в XVII – XIX вв. // Россия и Восток: археология и этническая история. Омск, 1997.
 30. Скобелев С. Г. Демографические процессы у коренного населения Средней Сибири в XVII – XIX вв. // Этносы Сибири. История и современность. Красноярск, 1994.
 31. Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII – XX вв.: колебания численности и их причины. Новосибирск, 1998.
 32. Скобелев С. Г. Енисейские кыргызы в Восточной Азии // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. СПб., 1993.
 33. Скобелев С. Г. Позднесредневековые археологические памятники енисейских кыргызов и демографическая ситуация на Среднем Енисее в послемонгольское время // Вопросы военного дела и демография Сибири в эпоху Средневековья. Новосибирск, 2001.
 34. Скобелев С. Г. Система управления коренными народами Сибири в XVII – XX вв. (характер и общие принципы) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XX веков. Новосибирск, 1999.
 35. Стенографический отчет Государственной Думы. Доклады бюджет. Комиссии 1913_1914 гг. Четвертый созыв. Сессия вторая. СПб., 1914. Доклад № 49.
 36. Степанов А. П. Енисейская губерния. Красноярск: Изд-во «Горница», 1997. – 224 с.
 37. Степынин В. А. Крестьянские начальники Енисейской губернии // Красноярский государственный педагогический институт. Ученые записки. Т. 9. Вып. 1. Кафедра истории, 1957.

-
38. Терскова А. А. Миссионерская деятельность в Енисейской губернии // Патриотическое служение и православное воспитание. Шестые рождественские образовательные чтения в Красноярске. Красноярск, 2005.
 39. Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX вв.). Якутск: Кн. изд-во, 1978.
 40. Хоменко Д. Ю. Задачи христианизации коренного населения Енисейской губернии во второй пол. XIX – нач. XX вв. // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории: VII краеведческие чтения. Красноярск: ГУНБ, 2012. С. 29-37.
 41. Хоменко Д. Ю. Межэтнические отношения между коренным и русским населением на юге Енисейской губернии (вторая пол. XIX – начало XX вв.) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. С. 396-402.
 42. Шашков С. С. Исторические этюды. Т. 2. СПб., Тип. А. Моригеровского, 1872.
 43. Щукин Н. С. Поездка в Якутск. СПб., 1844.
 44. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 560 с.
 45. Ярилов А. А. Кызыльцы и их хозяйство: литературные, архивные и опросные данные // Былое и настоящее сибирских инородцев: материалы для их изучения. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1899. Вып. 3. 366 с.